ВАСЯ МИХАЙЛОВИЧ

ВАСТИК

и дело, которое пахнет вареньем

РАССЛЕДОВАНИЯ СЫСКНОГО БЮРО «ПОЧЕМУ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОПУХ»
Город на краю асфальта

Вася Михайлович

Вастик и дело, которое пахнет вареньем

«Автор»
2026

Михайлович В.

Вастик и дело, которое пахнет вареньем / В. Михайлович — «Автор», 2026

Вастику семь лет, и у него есть сыскное бюро «Почему» в старом шкафу. Начальник — Кнопка, Тюпа — эксперт по съедобным уликам, Шуршик — начальник засад (сидит тише всех, потому что спит). А главный подозреваемый почти в каждом деле — кот Пряник.Почему не открывается банка варенья? Куда убегает молоко? Почему трубы поют по ночам? Каждое дело раскрывается настоящим опытом в дедушкиной мастерской, и помогает вся семья: папа — ходячая библиотека, находчивая мама и бабушка, которая сорок лет «работала с бумагами».А по вечерам приходят открытки от загадочного изобретателя Шестерёнкина: двести одиннадцать изобретений — и ни одно не работает. Кроме одного. Какого? Это главное дело бюро.Тридцать смешных и добрых расследований о том, как всё устроено. Для детей 6–9 лет.

© Михайлович В., 2026
© Автор, 2026

Вася Михайлович
Вастик и дело, которое пахнет вареньем

Вася Михайлович

Вастик и дело, которое пахнет вареньем

Расследования сыскного бюро «Почему»

Дело о банке, которая не хотела открываться

1

Это книга о том, как всё устроено.

Сразу скажу: устроено всё. Даже то, что кажется, будто никак не устроено. Ложка устроена. Дверь устроена. Даже Пряник устроен, хотя он с этим не согласен.

Главного героя этой книги зовут Вастик. Ему семь лет. Семь — это на два больше пяти. Или на один палец больше, чем на одной руке, плюс ещё один палец на другой. Вастик проверял. Сходится.

Вастик немного выше своих друзей. У него крепкие ноги и щёки, которые бабушка называет «булочки». Вастик просит так их не называть. Бабушка соглашается. А потом опять называет. Так устроены бабушки.

У Вастика есть мама, папа, бабушка, дедушка и два кота. Ещё у него есть друзья: Кнопка, Тюпа и Шуршик. И ещё у него есть один секрет. Секрет такой маленький, что помещается в цветочном горшке. Но про него потом.

Эта книга началась с банки варенья.

Потом, когда появится сыскное бюро «Почему», эта история получит номер. Номер один. Но тогда никакого бюро ещё не было. Была только банка.

2

Банка стояла на кухонном столе. Банка была с клубничным вареньем. Варенья в ней было меньше, чем вчера вечером. Намного меньше.

Это важно. Запомните.

Было воскресное утро. Мама поставила чайник и сказала:

— Сейчас будут блины. С вареньем.

Все обрадовались. Даже Пряник. Пряник не ест варенья, но он радуется всему, что происходит на кухне. На всякий случай.

Мама взяла банку и повернула крышку.

Крышка не повернулась.

Мама повернула сильнее. Крышка опять не повернулась. Мама сказала «хм». Это мамино самое сердитое слово. Других сердитых слов мама не говорит, потому что в доме ребёнок.

— Дай я, — сказал папа.

Папа — инженер. Инженер — это человек, который знает, почему всё ломается. И всё равно каждый раз удивляется.

Папа взял банку. Он покрутил её в руках. Он посмотрел на неё сверху, снизу и сбоку. Потом он повернул крышку.

Крышка не повернулась.

Папа покраснел. Сначала уши. Потом щёки. Потом шея. Вастик смотрел с интересом. Он никогда раньше не видел, как папа краснеет по частям.

— Её кто-то очень сильно закрыл, — сказал папа. И почему-то посмотрел в окно.

3

Потом банку открывала бабушка. Бабушка жила в высоком доме через дорогу, но в воскресенье она всегда приходила на блины. Бабушка обмотала крышку полотенцем, крякнула и сказала:

— Сила есть — ума не надо!

Крышка не открылась.

— Ума не надо — сила есть… — сказала бабушка и задумалась. — Нет. Как-то не так. Неважно.

Бабушка всегда путала пословицы. Зато она никогда не путала, кому сколько положить блинов. Это гораздо важнее.

Потом папа попробовал ещё раз. По-научному. Он надел мамину резиновую перчатку. «Для сцепления», — объяснил он. Перчатка была маленькая и жёлтая. Папина рука в ней была похожа на большую сосиску в маленькой куртке.

Папа взялся за крышку. Напрягся. Покраснел снова, начиная с ушей. Крутанул.

Крышка не повернулась. А перчатка повернулась. Она слетела с папиной руки, пролетела через всю кухню и приземлилась прямо на голову Пряника.

Пряник не стал её снимать. Он сидел с жёлтой перчаткой на голове, как с короной. Пять пальцев торчали вверх. Потом Пряник встал и медленно прошёл через кухню. Как директор на параде. Не глядя ни на кого.

Никто не засмеялся вслух. Смеяться над директором нельзя. Но мама отвернулась к окну, и плечи у неё тряслись.

Потом банку подержал Пряник. Точнее, он сел рядом и посмотрел на неё. Это всё, что Пряник умеет делать с банками. Холодильник открывать он умеет. Закрывать — нет. А с банками у него вообще не сложилось.

Потом банку взял Вастик.

Вастик не стал её открывать. Он понимал, что если не смогли папа, мама и бабушка, то у человека, которому семь лет, шансов немного. Примерно ноль. Или даже меньше нуля — минус один.

Вместо этого Вастик спросил:

— А почему она не открывается?

И все замолчали.

Взрослые часто замолкают, когда их спрашивают «почему». Вастик давно это заметил. Он думал, что взрослые в такие моменты вспоминают ответ. Иногда так и есть. А иногда они вспоминают, что тоже хотели бы его знать.

4

Вастик решил догадаться сам. У него было три догадки.

Догадка первая. Банка обиделась. На кого — неизвестно. Но если ты обиделся, ты закрываешься. Вастик знал это по Обижульке. Обижулька живёт в Лопухове и закрывается от всех, как банка, примерно три раза в день.

Догадка вторая. Варенье держит крышку изнутри. Клубника — она сладкая и липкая. Вастик однажды прилип к стулу клубничным вареньем. Его отклеивали всей семьёй.

Догадка третья. Кто-то закрыл банку ночью с нечеловеческой силой. Например, медведь. Медведи любят варенье. Это все знают.

— Пап, — спросил Вастик. — У нас ночью был медведь?

Папа очень внимательно посмотрел на свой чай.

— Нет, — сказал он. — Медведя не было.

Мама посмотрела на папу. Папа посмотрел на чай ещё внимательнее. Вастик пока ничего не понял. Но он запомнил. Как и вы.

И тут в дверь постучали. Тук. Тук-тук. Тук.

Так стучит только один человек на свете. Дедушка.

5

Дедушка — мамин папа. Это значит, что когда мама была маленькой, он ей тоже говорил: «Сначала спроси». Мама не всегда спрашивала. Поэтому у неё на пальце маленький шрам. Мама им немножко гордится.

Дедушке семьдесят один год. Сорок лет он работал наладчиком на часовом заводе. Наладчик — это человек, которого зовут, когда всё остановилось. За сорок лет его позвали восемь тысяч раз. Он пришёл восемь тысяч раз. Ни разу не сказал «потом». Потомкину из Лопухова это показалось бы невероятным.

Ещё у дедушки есть канарейка. Её зовут Вольт. Вольт поёт только тогда, когда дедушка что-нибудь пилит. Поэтому дедушка пилит каждый день. Даже когда пилить нечего. Он говорит, что у него в мастерской самые распиленные доски в городе. И самая счастливая канарейка.

У дедушки большие руки. На них много старых царапин. Бабушка говорит, что у дедушки золотые руки.

Вастик однажды долго разглядывал дедушкины руки. Золота он не нашёл. Нашёл два пластыря, мозоль и синюю краску под ногтем.

— Это потому, что золото внутри, — объяснил дедушка. — Снаружи его не видно. Как у часов. Снаружи — стрелки. А всё интересное — внутри.

Дедушка вошёл, снял шапку и сразу увидел банку. Дедушка всегда сразу видит то, что не работает. У него на это нюх. Как у Пряника на сметану.

— Не открывается? — спросил он.

— Не открывается, — сказали все хором. Кроме папы. Папа сказал это чуть тише.

Дедушка не стал хватать банку. Он не стал краснеть по частям. Он не стал крякать. Он сказал:

— Интересно. Вастик, надевай куртку. Пойдём расследовать.

— Куда?

— В мастерскую.

Вастик надел куртку так быстро, что надел её задом наперёд. Потом перевернул. Потом надел шапку. Потом снял шапку и надел её правильно. На всё ушло ровно две минуты, хотя Вастику показалось, что тысяча мильон лет.

6

Мастерская дедушки стояла в конце сада. Снаружи это был обычный сарай с зелёной дверью. Внутри это был целый мир.

Вот что было в мастерской. Я перечислю, потому что это важно.

Верстак. Это стол, на котором не едят, а работают. На нём можно стучать молотком, и никто не скажет: «Не стучи по столу».

Тиски. Это железные челюсти, которые держат то, что ты делаешь. Они держат крепче, чем папа держит руль, когда едет мимо лужи Аркадия Аркадьевича.

Сорок три отвёртки. Дедушка пользовался одной. Остальные сорок две были «на всякий случай». Шуршик, который тоже всё хранит на всякий случай, считал дедушку великим человеком.

Банки с гвоздями. Банки с шурупами. Банки с гайками. Одна банка, подписанная «РАЗНОЕ». В ней было всё, что не поместилось в другие банки. Вастик однажды нашёл там пуговицу, ключ неизвестно от чего и зуб. Дедушка сказал, что зуб — его собственный, 1974 года. Он его хранит на память.

И ещё: пила, рубанок, дрель, рулетка, линейки, угольник, банка с краской, лампа на гнущейся ноге и старое радио, которое играло только одну станцию. Дедушке больше и не нужно было.

Станция передавала прогноз погоды. Прогноз ни разу не совпал с погодой. Ни разу за тридцать лет. Дедушка всё равно слушал его каждое утро. Он говорил, что это очень полезно:

точно знаешь, какой погоды сегодня не будет. А в клетке над верстаком сидел Вольт и ждал, когда начнут пилить.

На стене висел лист бумаги. На нём большими буквами было написано:

ПРАВИЛА МАСТЕРСКОЙ.

1. Инструмент — не игрушка.
2. Сначала спроси. Потом трогай.
3. Острое — от себя. Никогда — к себе.
4. Если не знаешь, что это, — не трогай. Если знаешь — всё равно спроси.
5. Взял — положи на место.
6. В розетку лезет только электричество. Больше никто.

— А седьмое? — спросил Вастик. Он умел считать до тысячи и видел, что после шести бывает семь.

— Седьмое ты допишешь сам, — сказал дедушка. — Когда поймёшь, какое оно.

7

Дедушка поставил банку на верстак. Банка стояла и молчала. Банки вообще молчаливые. Но эта молчала как-то особенно упрямо.

— Расследование, — сказал дедушка, — это когда ты не хватаешь, а думаешь. Хватать умеет и Пряник.

— Пряник не умеет хватать банки, — сказал Вастик. — Он только сидит рядом.

— Тем более, — сказал дедушка. — Значит, Пряник уже на полпути к расследованию.

Дедушка достал из ящика толстую тетрадь в клетку. На обложке ничего не было написано.

— Это тебе, — сказал он. — Будешь записывать.

— Что записывать?

— Все «почему». И все «потому что». Это будет твоя Книга Почему.

Вастик открыл тетрадь. Она была пустая и пахла новым. Вастик написал на первой странице, большими буквами, высунув язык:

ПОЧЕМУ НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ БАНКА?

Буква «Ч» получилась задом наперёд. Вастик решил, что так даже интереснее.

8

— Сначала, — сказал дедушка, — надо понять, как сделать сильнее руку. Вот, например, этот камень.

У порога мастерской лежал камень. Большой. Серый. Похожий на спящего бегемота. Дедушка давно хотел его подвинуть, чтобы не спотыкаться.

— Подвинь его, — сказал дедушка.

Вастик упёрся в камень руками. Потом плечом. Потом спиной. Потом ногами, лёжа на земле. Камень лежал как лежал. Ему было всё равно. Камни вообще очень спокойные.

— Не могу, — сказал Вастик. — Он тяжелее меня. Он весит как… как два Тюпы после обеда.

— А теперь вот так, — сказал дедушка.

Он взял длинную крепкую доску. Он подсунул один её конец под камень. Под доску, поближе к камню, он положил кирпич.

— Этот кирпич — точка опоры, — сказал дедушка. — Доска будет качаться на нём, как качели. Теперь нажми на другой конец доски.

Вастик нажал.

Камень вздрогнул. Камень приподнялся. Камень перевалился на бок и откатился на целую ладонь в сторону.

Вастик застыл. Потом он посмотрел на свои руки. Руки были те же самые. Вчерашние. Обыкновенные.

— Дедушка, — шёпотом сказал Вастик. — Я сильный?

— Ты умный, — сказал дедушка. — Это иногда одно и то же. Это называется рычаг.

— А тебя я подниму? — спросил Вастик.

Дедушка подумал. Дедушка весил как три Вастика. Или как один Вастик, один Тюпа после обеда и ещё половина Пряника.

— Попробуй, — сказал он.

Он сел на короткий конец доски. Осторожно. Как садятся на стул, в котором не уверены. Вастик схватился за длинный конец и повис на нём всем телом.

Дедушка поехал вверх. Медленно. Сначала на палец. Потом на ладонь. Потом его ноги оторвались от земли, и дедушка повис в воздухе. Он сидел на доске, держался за неё руками и смотрел на Вастика сверху. С уважением. И немножко с тревогой.

— Вастик, — сказал дедушка сверху. — Я горжусь тобой. Только не отпускай, пожалуйста. Пока я не скажу.

Вастик не отпустил. Он держал дедушку в воздухе целых десять секунд. Это был самый тяжёлый и самый лёгкий груз в его жизни. Канарейка Вольт в мастерской почему-то запела. Хотя никто ничего не пилил.

9

Вот как устроен рычаг. Я объясню коротко, потому что дедушка объяснил ещё короче.

Есть палка. Есть точка, на которой палка качается. Если давить на длинный конец палки, то короткий конец поднимает что-то тяжёлое. Длинному концу приходится проходить большой путь. Зато давить можно совсем чуть-чуть.

— Получается, — сказал Вастик, — что сила как будто растягивается? Длинная палка — длинная сила?

— Получается так, — сказал дедушка. — Ты меняешь путь на силу. Длинный путь — маленькая сила. Короткий путь — большая сила. Бесплатно ничего не бывает. Даже в физике.

Вастик записал в Книгу Почему: «ДЛИНАЯ ПАЛКА = ДЛИНАЯ СИЛА». Одну «Н» он потерял. Она так и не нашлась.

— Был такой человек, Архимед, — сказал дедушка. — Он жил так давно, что даже я его не застал. Он сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю».

Вастик посмотрел на дедушку очень серьёзно.

— Ему дали?

— Нет.

— Жалко, — сказал Вастик. — Я бы перевернул. Чтобы Австралия была наверху. А то им там всё время вверх тормашками. Хоть немножко бы отдохнули.

Дедушка подумал и сказал, что это очень добрая мысль. Но доска нужна очень длинная. Длиннее, чем дорога до Луны. И кирпич нужен очень крепкий. И стоять его не на чем.

— Тогда в следующий раз, — сказал Вастик.

— В следующий раз, — согласился дедушка.

10

Потом они искали рычаги вокруг. Это оказалось очень легко. Рычаги были везде. Они просто притворялись другими вещами.

Ножницы — это два рычага, которые держатся друг за друга.

Ручка двери — рычаг. Поэтому дверь проще открыть за ручку, чем за самый край у петель. Вастик проверил. Около петель дверь не открывалась вообще, а Вастик чуть не прищемил палец. Это было почти седьмое правило. Но не совсем.

Качели в саду — рычаг. Когда на одном конце сидит Тюпа, а на другом Шуршик, Шуршик висит в воздухе и спит. Это знают все.

Гвоздодёр — рычаг. Дедушка выдернул им старый гвоздь из доски. Гвоздь вылез со скрипом, как будто ему было жалко уходить.

Лопата — рычаг. Тачка — рычаг. Даже рука — рычаг. Локоть — это точка опоры.

— А голова? — спросил Вастик.

— Голова — это то, что придумывает рычаги, — сказал дедушка. — Это даже лучше.

Вастик потрогал свою голову. Она была тёплая.

— Дедушка, у меня голова варит?

— Варит, — сказал дедушка.

— А что она варит?

Дедушка подумал.

— Сейчас — кашу из рычагов. Но кашу полезную.

11

— А теперь — банка, — сказал дедушка. — Мы её ещё не открыли. Мы только научились быть сильнее.

Он взял банку и повернул её к свету.

— Смотри. Крышка чуть-чуть прогнулась внутрь. Видишь ямку?

Вастик видел ямку. Маленькую, как будто крышку кто-то поцеловал изнутри.

— Это воздух, — сказал дедушка. — Вокруг нас везде воздух. Он давит на всё. На тебя, на меня, на крышку. Просто мы привыкли и не замечаем.

— Воздух давит? — Вастик посмотрел вверх. — Сколько?

— На твою ладонь — как будто на ней стоит большой мешок картошки.

Вастик быстро поднял ладонь и посмотрел на неё. Никакой картошки там не было.

— А почему не тяжело?

— Потому что внутри тебя тоже воздух и всё остальное. И оно давит в ответ. Так же сильно. Получается ничья. Поэтому ты ничего не чувствуешь.

Вастик решил, что он молодец. Он всю жизнь держал мешок картошки на каждой ладони, и даже не жаловался.

— А в банке? — спросил он.

— А в банке, — сказал дедушка, — воздуха под крышкой стало мало. Варенье варят горячим. Закрывают горячим. Потом оно остывает, и воздух под крышкой съёживается. Как ты, когда выходишь зимой из ванной. Внутри давит мало, снаружи давит много. Ничьей нет. Воздух снаружи прижимает крышку. Сильно. Как папа прижимает крышку, если… Ну, неважно.

— Значит, банка не обиделась? — уточнил Вастик.

— Не обиделась. Её просто обнимает воздух. Очень крепко.

12

— Что же делать? — спросил Вастик. — Нельзя же попросить воздух не обниматься.

— Можно, — сказал дедушка. — Надо впустить немножко воздуха внутрь. Тогда будет ничья. И крышка отпустит.

Он дал Вастику чайную ложку.

— Это рычаг, — сказал он. — Маленький. Подсунь кончик под край крышки. Осторожно. И нажми на ручку вверх. Совсем чуть-чуть.

Вастик подсунул. Ложка вошла под край, как ключ в замок. Вастик нажал.

Банка сказала: «Пш-ш-ш».

Это было очень тихо. Как вздох. Как будто банка всё утро держалась, а теперь наконец расслабилась.

— Это воздух вошёл в гости, — сказал дедушка. — Теперь крути.

Вастик взял банку двумя руками. Он повернул крышку.

Крышка повернулась.

Легко. Как будто она никогда и не упрямилась. Как будто это был не тот же самый день.

Вастик посмотрел на банку. Потом на дедушку. Потом на свои руки. Он снова был сильный. Нет, умный. Нет — и тот, и другой сразу.

— Есть ещё способ, — сказал дедушка. — Подержать крышку под тёплой водой. Железо от тепла чуть-чуть растёт. Крышка становится больше, а банка почти нет. Но это — когда рядом взрослый. Горячая вода — не игрушка. Это тоже правило. Только оно висит на кухне.

Вастик записал в Книгу Почему:

«ПОЧЕМУ НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ БАНКА? ПОТОМУ ЧТО ЕЁ ОБНИМАЕТ ВОЗДУХ. НАДО ПУСТИТЬ ВОЗДУХ В ГОСТИ. ЛОЖКОЙ. ЛОЖКА — РЫЧАГ».

Так оно и устроено.

13

Когда они вернулись, блины уже были готовы. Целая гора. Высотой в половину Пряника, если Пряник сидит.

Вастик поставил открытую банку на стол. Все ахнули. Мама сказала «ого». Это мамино самое удивлённое слово.

— Как?! — спросил папа.

— Рычагом, — сказал Вастик. — И воздухом. Воздух давил, а я впустил его в гости. Пап, а знаешь, кто так сильно закрыл банку?

Папа перестал жевать.

— Никто её сильно не закрывал, — сказал Вастик. — Это варенье было горячее, а потом остыло. Медведь ни при чём.

Папа выдохнул. Как банка. «Пш-ш-ш».

А потом папа сделал очень смелую вещь. Взрослые редко делают такие вещи. Поэтому я её запишу отдельно.

Папа сказал:

— Вообще-то медведь был. Это я. Я ночью ел варенье. Прямо из банки. А потом закрыл её. Очень старательно. Чтобы никто не заметил, что варенья стало меньше.

Все посмотрели на банку. Варенья в ней было меньше, чем вчера вечером. Намного меньше. Я же говорил вам запомнить.

Мама засмеялась. Бабушка засмеялась. Дедушка засмеялся так, что у него запотели очки. Папа сначала покраснел по частям, а потом тоже засмеялся. Вастик смеялся громче всех. Пряник ничего не понял, но на всякий случай мяукнул.

— Взрослые — это бывшие дети, — сказала мама. — Некоторые — не очень бывшие.

Папа сказал, что в следующий раз будет есть варенье днём. При всех. С блинами. Как честный человек.

14

Вечером Вастик сидел у окна со своей Книгой Почему. На подоконнике стоял цветочный горшок. В горшке рос синий василёк.

Вот теперь про секрет.

Если понюхать этот василёк и чихнуть, становишься маленьким. Таким маленьким, что можно попасть в Лопухово. Это город, где живут жуки, муравьи, улитки и разные маленькие человечки. У Вастика там друзья. Но сегодня Вастик не чихал. Сегодня друзья пришли сами.

Из-за листа выглянул Мураш. Мураш — муравей. Очень серьёзный. Он носит каску из скорлупки и всё время что-то строит.

За Мурашом выглянул Хвастик. Хвастик ничего не строит. Он рассказывает, как он всё построил бы, если бы захотел.

— Я слышал, ты сегодня поднял бегемота, — сказал Хвастик.

— Камень, — сказал Вастик. — Похожий на бегемота. Рычагом.

— Ерунда, — сказал Хвастик. — Я бы поднял его и без рычага. Одним мизинцем. Если бы у меня был мизинец.

Мураш ничего не сказал. Он взял спичку, подсунул её под хлебную крошку, подложил под спичку зёрнышко гречки и нажал на другой конец. Крошка подпрыгнула и упала прямо на спину Хвастику.

— Ой, — сказал Хвастик. — Тяжело. Это я специально её поймал.

— Муравьи поднимают груз в пятьдесят раз тяжелее себя, — сказал Вастик. Это он прочитал утром в дедушкиной книге. — Без всякого рычага.

— Без рычага — это сила, — сказал Мураш. — С рычагом — это ум. А сила с умом — это уже работа.

Вастик это записал. Мураш говорит мало, но так, что хочется записывать.

15

Перед сном Вастик дописал в мастерской седьмое правило. Дедушка разрешил. Он держал лампу, а Вастик писал, высунув язык.

Седьмое правило было такое:

7. Если что-то не получается — не хватай сильнее. Сначала спроси: почему.

Дедушка прочитал и долго молчал. Потом он снял очки, протёр их и надел обратно.

— Хорошее правило, — сказал он. — Его стоило бы повесить не только в мастерской. Его стоило бы повесить во всём мире. Особенно там, где взрослые.

А потом дедушка открыл ящик, достал одну отвёртку и протянул Вастику.

— Это тебе. Твоя.

Отвёртка была с жёлтой ручкой. Немножко потёртой. На ручке были выцарапаны две буквы. Вастик не мог их прочитать, потому что они были старые.

— Это моя первая отвёртка, — сказал дедушка. — Мне её дал мой дедушка. Когда мне было семь.

Вастик держал отвёртку двумя руками. Как банку. Как что-то, что надо беречь.

Теперь у дедушки осталось сорок две отвёртки. Одной он пользуется. Сорок одна — на всякий случай. Одна — у Вастика. Она тоже на всякий случай. Но на очень важный.

Перед сном Вастик написал на второй странице Книги Почему:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ПОЧЕМУ ГОРИТ ЛАМПОЧКА?»

Я скажу вам про эту тетрадь одну вещь. Тогда её никто не знал. Книга Почему будет у Вастика всю жизнь. Через много лет в ней будет тысяча сто двенадцать вопросов. На тысячу сто девять Вастик найдёт ответ. Три вопроса останутся без ответа навсегда. Один из них — «Почему Пряник открывает холодильник, но никогда его не закрывает?». Над ним будут думать лучшие учёные. И не придумают.

И уснул. Прямо с карандашом. Голова у него варила весь день, и теперь ей тоже нужно было отдохнуть.

Так оно и устроено.

Дело о погасшем свете

1

На второй странице Книги Почему было написано:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ПОЧЕМУ ГОРИТ ЛАМПОЧКА?»

Завтра наступило. Завтра всегда наступает. Это одна из немногих вещей, на которые можно положиться.

Но лампочка весь день просто горела. Она не объясняла, почему. Лампочки вообще ничего не объясняют. Они висят под потолком и делают вид, что это само собой.

А вечером лампочка в комнате Вастика мигнула, сказала «дзынь» и погасла.

Стало темно. Не совсем темно — из коридора падала полоска света. Но в полоске помещались только Вастик и половина Пряника. Вторая половина Пряника была в темноте и, кажется, этим наслаждалась.

— Перегорела, — сказал папа из коридора.

Вастик вскочил.

— Пожар?!

— Нет, — сказал папа. — Перегорела — это не пожар. Это просто так говорят.

Взрослые очень многое говорят «просто так». Вастик это давно заметил. Он думал, что когда-нибудь составит список всего, что взрослые говорят просто так. Список получится длиннее, чем дорога до бабушки. Хотя бабушка живёт через дорогу.

Потом эта история получит номер. Номер два. В сыскном бюро «Почему». Но бюро тогда ещё не было. Была только темнота и полоска света из коридора.

Начало списка у Вастика уже было. Вот оно. С переводом.

«Сейчас-сейчас» — это полчаса.

«Я на минутку» — это час. Если мама пошла к бабушке Зине — два часа.

«Посмотрим» — это нет.

«Спроси у папы» — это значит, что папа скажет «спроси у мамы». Вастик однажды прошёл этот круг семь раз. Как электричество. Ответа он так и не получил. Зато очень устал.

«Не сейчас» — это тоже нет. Но вежливое.

«Когда вырастешь — поймёшь» — это значит, что взрослый сам не понял. Это Вастик выяснил недавно и очень этим гордился.

2

Вастик лёг в кровать и стал догадываться. В темноте догадываться легче. Ничто не мешает.

Догадка первая. Лампочка устала. Она светила с утра до вечера, каждый день, много лет. Любой бы устал. Даже Шуршик устаёт, а он вообще ничего не делает, только спит.

Догадка вторая. Внутри лампочки жил светлячок. Ему надоело сидеть в стеклянном доме, и он улетел. Вастик бы тоже улетел. Ему не нравится сидеть в одном месте. Даже в хорошем.

Догадка третья. Свет в лампочке кончился. Как варенье в банке. Если каждый вечер понемножку брать, однажды останется только донышко. Вастик теперь знал про варенье всё.

Он хотел записать догадки в Книгу Почему. Но было темно. А в темноте не видно, куда писать. Поэтому Вастик записал их у себя в голове. Голова была почти пустая, места хватило.

3

Утром пришёл дедушка. Тук. Тук-тук. Тук.

Вастик показал ему погасшую лампочку. Дедушка поднёс её к окну и посмотрел на свет. Он смотрел на неё так, как доктор смотрит в горло.

— Так, — сказал дедушка. — Всё понятно. Пойдём.

— В мастерскую?

— Куда же ещё. Там всё понятнее.

Вастик надел куртку. На этот раз сразу правильно. Он учился.

В мастерской дедушка положил на верстак три вещи. Я их перечислю.

Батарейка. Толстая, круглая, похожая на маленький бочонок. На одном её конце был «плюс», на другом «минус». Как будто она умела считать, но только до двух.

Два провода. Медные. В красной и синей рубашке. Только кончики были голые и блестели.

Маленькая лампочка. Совсем крошечная. Как капля. От карманного фонарика.

— Это безопасно, — сказал дедушка. — Электричество в батарейке маленькое. Как котёнок. С ним можно играть. А в розетке — тигр. Про тигра поговорим потом. Отдельно. Очень серьёзно.

Вастик посмотрел на розетку на стене. Розетка смотрела на него двумя дырочками. Вастик решил, что сегодня он к ней поворачиваться спиной не будет. На всякий случай.

4

— Сделай так, чтобы лампочка загорелась, — сказал дедушка.

Вастик прижал один провод к лампочке. Ничего. Прижал второй. Ничего. Прижал оба провода к батарейке, а лампочку положил рядом, чтобы она видела и вдохновлялась. Ничего.

— Она не хочет, — сказал Вастик.

— Хочет, — сказал дедушка. — Просто электричеству нужна дорожка. Целая. По кругу. От батарейки — к лампочке — и обратно к батарейке. Если дорожка где-нибудь прерывается, электричество стоит и ждёт. Оно очень терпеливое. Терпеливее Вастика.

— Это нетрудно, — сказал Вастик. — Терпеливее меня все.

Дедушка показал. Один провод — от «плюса» к лампочке. Второй — от лампочки к «минусу». Получился круг.

Лампочка загорелась.

Она загорелась тихо. Без «дзынь». Просто взяла и стала светлой, как будто вспомнила что-то хорошее.

Вастик смотрел на неё и не дышал.

— Это называется цепь, — сказал дедушка. — Электрическая цепь. Электричество бегает по кругу. Как Пряник вокруг миски, когда её долго не наполняют.

Вастик отпустил один провод. Лампочка погасла. Прижал — загорелась. Отпустил — погасла.

Он делал так, наверное, сто раз. Или двести. Дедушка не мешал. Дедушка знал, что некоторые вещи надо сделать двести раз, чтобы поверить в них один раз.

Потом Вастик стал проверять, что ещё может быть дорожкой. Он вставлял в цепь разные вещи из банки «РАЗНОЕ». Между проводом и лампочкой. И смотрел, загорится или нет. Электричество в батарейке маленькое, котёнок, так можно. Дедушка разрешил.

Гвоздь — загорелась.

Ключ неизвестно от чего — загорелась. Ключ оказался полезный. Хоть для чего-то.

Монетка — загорелась.

Пуговица — нет.

Ластик — нет.

Карандаш — нет. А потом дедушка заточил его с двух сторон, и Вастик приложил провода к грифелю. Лампочка загорелась. Еле-еле. Как будто стеснялась.

Дедушкин зуб 1974 года — нет.

— Зуб в этом смысле честный, — сказал дедушка. — Ничего лишнего не пропускает.

Если бы кто-нибудь заглянул в мастерскую, он решил бы, что там идёт допрос. Мальчик в куртке с лупой. Свидетели разложены на верстаке. Каждого по очереди спрашивают: «Пропускал электричество? Отвечать!». Гвоздь сознаётся. Пуговица молчит. Зуб уходит с чистой совестью.

И это было бы почти правдой. Вастик и правда вёл расследование. Он просто ещё не знал, что скоро у него будет настоящее. Про него — потом.

— Я понял, — сказал наконец Вастик. — Выключатель — это мостик. Когда мостик опущен, электричество идёт по нему. А когда поднят — стоит на берегу и ждёт.

Дедушка снял очки и посмотрел на Вастика без очков. Он так делал, когда кто-то говорил очень правильную вещь.

— Именно, — сказал он. — Мостик. Я сорок лет объяснял это людям и ни разу не догадался сказать «мостик».

5

— А почему она светит? — спросил Вастик. — Электричество бегает по кругу. Ладно. Но зачем ему светить? Пряник вокруг миски бегает — и не светит.

Дедушка взял лупу. Лупа — это стекло, которое делает маленькие вещи большими. Вастик однажды смотрел в неё на Пряника. Пряник оказался ещё больше, чем думал Вастик. Даже Пряник этого не ожидал.

— Смотри внутрь лампочки, — сказал дедушка.

Внутри, за стеклом, была ниточка. Тонкая-тонкая. Тоньше волоса. Она была закручена пружинкой.

— Электричество бежит по проводам легко, — сказал дедушка. — Провода толстые, широкие. Как проспект. А тут ниточка. Узкая тропинка. И электричеству приходится протискиваться. Оно толкается, пихается, трётся. И ниточка нагревается. Так сильно, что начинает светиться. Как раскалённый гвоздь в кузнице.

— Как папа, — сказал Вастик. — Когда не открывается банка. Он тоже нагревается и краснеет. По частям.

— Примерно так, — согласился дедушка. — Только папа не светится. Пока.

Потом дедушка взял ту лампочку, которая перегорела. Большую. Из комнаты Вастика. И дал ему лупу.

Ниточка внутри была. Но она была порвана. Посередине. Два кончика висели и не доставали друг до друга. Как Тюпа и последний пирожок на верхней полке.

— Вот, — сказал дедушка. — Дорожка порвалась. Ниточка много лет нагревалась и остывала, нагревалась и остывала. И однажды не выдержала. Это и называется «перегорела».

— Значит, она всё-таки устала, — сказал Вастик. — Моя первая догадка была почти правильная.

— Почти, — сказал дедушка. — В науке «почти» — это очень хорошо. С «почти» всё и начинается.

Вастик записал в Книгу Почему:

«ПОЧЕМУ ГОРИТ ЛАМПОЧКА? ПОТОМУ ЧТО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ПРОТИСКИВАЕТСЯ ПО НИТОЧКЕ И НИТОЧКА КРАСНЕЕТ ОТ НАТУГИ. ПЕРЕГОРЕЛА = НИТОЧКА ПОРВАЛАСЬ. НЕ ПОЖАР».

6

Теперь про тигра.

Я напишу эту главку без шуток. Почти без шуток. Совсем без шуток я не умею, но постараюсь.

Дедушка сел на табуретку. Вастик сел на ящик. Дедушка говорил медленно. Так он говорил очень редко. Только когда что-то было по-настоящему важно.

— В батарейке электричество маленькое, — сказал дедушка. — А в розетке — большое. Его делают на электростанции и гонят по проводам через весь город. Оно сильное, как тигр. Оно не злое. Оно просто не умеет останавливаться. Если ты станешь частью его дорожки — оно побежит через тебя. И остановить его ты не сможешь.

Вастик слушал так тихо, что было слышно, как в углу думает паук.

— Поэтому, — сказал дедушка, — вот что нельзя. Слушай и запоминай.

Нельзя ничего совать в розетку. Ни пальцы, ни гвоздь, ни ключ, ни шпильку, ни отвёртку. Даже свою. Даже жёлтую.

Нельзя трогать провода, у которых порвалась рубашка и видно голую медь.

Нельзя трогать электрические вещи мокрыми руками и рядом с водой. Вода помогает электричеству бежать. Она ему как скользкая горка.

Нельзя подходить к проводу, который упал на улице. Даже если он лежит тихо. Особенно если лежит тихо.

Нельзя менять лампочку самому. Это делает взрослый. И сначала он выключает свет.

— А если очень хочется? — спросил Вастик. Он не собирался. Он просто хотел знать, бывает ли исключение.

— Тогда ты идёшь ко мне, — сказал дедушка. — И мы делаем цепь с батарейкой. Сколько хочешь раз. Хоть тысячу мильон.

Вастик кивнул. Тысяча мильон его устраивала.

Вот и всё про тигра. Тигр за стеной. Пусть там и сидит. Он там работает. Он нам светит. Мы ему не мешаем — он нам не мешает. Это честно.

7

Вечером, когда папа пришёл с работы, Вастик спросил его:

— Пап, а откуда в розетке тигр? Кто его туда посадил?

Папа сначала не понял про тигра. Потом понял. Папа — инженер. Он любит вопросы, на которые знает ответ.

Он взял лист бумаги и нарисовал. Папа рисует хорошо. Он чертит на своей машине «Логарифм» трубы пневмопочты для всего города. Но в этот раз он рисовал просто карандашом.

Сначала он нарисовал реку. Потом плотину. Это такая стена, которая держит воду. Вода хочет пройти, а стена не пускает. Тогда вода протискивается через специальные трубы и крутит огромные колёса. Колёса крутят машину, которая делает электричество.

Потом от машины пошли провода. На высоких столбах. Через поля. Через лес. В город. Под землёй — к их улице. По стене — к розетке. Из розетки — к лампочке.

— Вот, — сказал папа. — Когда ты включаешь свет, где-то далеко крутится колесо. И его крутит река.

Вастик долго смотрел на рисунок.

— Значит, — сказал он, — когда я читаю вечером, на меня работает река?

— Получается, да.

— А она знает?

Папа подумал.

— Вряд ли. Реки не очень много знают про нас.

— Тогда надо ей сказать спасибо, — решил Вастик. — Ей приятно будет. Даже если она не знает, за что.

Папа сказал, что до реки с плотиной далеко. Пять часов на солнцеходе. А Вастик сказал, что тогда он скажет спасибо ручью за садом. Ручей — это маленький родственник реки. Он передаст.

Вечером Вастик пошёл к ручью и сказал ему спасибо. Ручей журчал. Вастик решил, что это значит «пожалуйста».

8

За ужином папа рассказывал про электричество. Он увлёкся. Когда папа увлекается, он забывает есть. Мама кладёт ему котлету, а он рисует на салфетке.

— А бывает короткое замыкание, — сказал папа. — Это когда электричество находит слишком короткую дорожку. Мимо лампочки. И бежит по ней всё сразу. Тогда провода сильно греются. Поэтому в каждом доме есть пробки. Они выключают свет, чтобы ничего не загорелось.

— А длинное замыкание бывает? — спросил Вастик.

Папа задумался. Котлета остывала.

— Длинное — это и есть нормальная цепь, — сказал он наконец. — Через лампочку. Хм. Я никогда так об этом не думал.

Папа рисовал, пока не кончились салфетки. Тогда он стал рисовать на скатерти. Шариковой ручкой. Провода, столбы, лампочки, стрелочки.

— Это скатерть! — сказала мама.

— Это была скатерть, — сказал папа, не отрываясь. — Теперь это схема.

Мама посмотрела на скатерть. Скатерть была бабушкина, праздничная, с вышитыми вишнями. Теперь между вишнями бежал ток. Мама сказала «хм». Самое сердитое слово. Но, присмотревшись, сказала, что схема, в общем, красивая. И вишни на ней смотрятся как лампочки. Скатерть с тех пор стелили только по праздникам. Гостям её показывали отдельно.

Он хмыкнул в усы. Это был его пятый способ хмыкать — «мне задали хороший вопрос». Первые четыре — другие, и они бывают чаще.

А потом папа сказал:

— Ну, у тебя прямо лампочка в голове зажглась.

Вастик тут же встал из-за стола, пошёл в прихожую и посмотрел в зеркало. Долго смотрел. Сначала прямо. Потом сбоку. Потом выключил свет в прихожей и посмотрел ещё раз в темноте.

— Не горит, — доложил он, вернувшись. — Я проверил. Даже в темноте.

— Это так говорят, — объяснила мама. — Когда человек что-то понял, говорят, что у него в голове зажглась лампочка. Её не видно. Её только чувствуешь.

Вастик прислушался к себе. Да. Что-то такое было. Тепло и немножко щекотно. Где-то за ушами.

— Тогда это не лампочка, — сказал он. — Это ниточка. Она протискивается.

9

После ужина пришёл Аркадий Аркадьевич Важнецов. Это сосед. Он очень важный. Он говорит «кхм» перед каждой фразой и каждый день наступает в одну и ту же лужу. Он думает, что этого никто не замечает. Это замечают все.

— Кхм, — сказал Аркадий Аркадьевич. — У меня на крыльце не горит фонарь. Непорядок. Я хотел бы его починить. Сам. Но у меня нет лестницы. У вас, кажется, есть лестница.

Дедушка сказал, что лестница есть. Но сначала надо выключить свет. В пробках.

— Кхм, — сказал Аркадий Аркадьевич. — Я в курсе. В целом.

Они пошли. Вастик пошёл тоже. Он нёс фонарик. Свой. С батарейкой. Он теперь знал, как в нём всё устроено, и чувствовал за фонарик ответственность.

Дедушка выключил пробки. Аркадий Аркадьевич залез на лестницу. Он выкрутил старую лампочку. Он вкрутил новую. Дедушка включил пробки. Фонарь загорелся.

— Кхм, — сказал Аркадий Аркадьевич с лестницы. Он был очень доволен. Он даже слегка покраснел. Не по частям. Целиком.

Потом он слез и сказал тихо, почти шёпотом:

— Вы знаете, я с детства немножко побаиваюсь темноты. У меня даже есть ночник. В форме паровоза. Только никому не говорите. Это… это непорядок, в моём возрасте.

— У меня тоже есть ночник, — сказал дедушка. — В форме луны. Мне его подарил внук. На день рождения.

— У меня нет ночника, — сказал Вастик. — Но у меня есть фонарик. И я знаю, что внутри.

Аркадий Аркадьевич посмотрел на него с большим уважением. Потом сказал «кхм» и ушёл домой. Он не наступил в лужу. Было светло. Фонарь горел.

10

В ту же ночь была гроза.

Гремело так, что Пряник залез под кровать, а Ватрушка исчезла совсем. Ватрушка всегда исчезает. Потом она появляется у банки со сметаной. Это закон природы.

Молния сверкнула где-то за городом. И свет погас. Везде. Во всём доме. На всей улице. Даже фонарь Аркадия Аркадьевича.

Темно стало по-настоящему. Как в шкафу. Как внутри Пряника.

— Где-то на линии повредился провод, — сказал папа в темноте. — Починят. Не бойтесь.

— Я не боюсь, — сказал Вастик. — Я знаю, как устроено. Где-то порвалась дорожка. Электричество стоит на берегу и ждёт.

Он включил свой фонарик. Батарейка, проводок, лампочка-капля. Цепь замкнулась. Мостик опустился. Появился свет.

И тут Вастик подумал про бабушку Зину. Бабушка Зина живёт одна. У неё есть бинокль, через который она всё видит, и колено, которое предсказывает погоду. Но в темноте бинокль не помогает. А колено, наверное, сейчас очень гордится, что предсказало грозу, но светить оно не умеет.

— Мама, — сказал Вастик. — Давай отнесём бабушке Зине фонарик.

Они пошли. Мама держала Вастика за руку. Вастик держал фонарик. Фонарик держал свет. Так они и шли — цепочкой.

11

У бабушки Зины уже кто-то был. На кухне горели свечи. За столом сидели дядя Гена, Тюпина мама, сам Тюпа, Кнопка с дедушкой-Капитаном и Шуршик. Шуршик спал. Ему что гроза, что не гроза.

— Свечи — это огонь, — шёпотом сказал Вастик маме. — Огонь — не игрушка. Это правило.

— Правильно, — сказала мама. — Свечи зажигают и держат только взрослые. И ставят их подальше от занавесок.

Бабушка Зина обрадовалась фонарику. Она сказала, что это лучший фонарик, который она видела за восемьдесят лет. Она видела много фонариков. Она всё видит. У неё бинокль.

Потом пришёл Аркадий Аркадьевич. С ночником-паровозом. Ночник был на батарейках и светился жёлтым. Аркадий Аркадьевич поставил его на стол и сказал:

— Кхм. Это не мой. В целом. Это… для всех.

Никто не стал спрашивать. Все сделали вид, что поверили. Иногда это самое доброе, что можно сделать.

Тюпа сидел ближе всех к свечке и смотрел на неё очень внимательно.

— А свечки едят? — спросил он шёпотом.

— Нет, — сказали все сразу.

— Я так и думал, — сказал Тюпа. — Я просто уточнил. Для науки.

Тут ударил гром. Такой, что задребезжали чашки. Тюпа ойкнул. Шуршик не проснулся. А Кнопка встала на табуретку.

— Внимание! — сказала Кнопка. Кнопка всегда командует. Даже когда никто не просил. Особенно когда никто не просил. — Без паники! Бояться будем по очереди! Первый боится Тюпа! Потом я! Потом все остальные! Шуршик — последний, когда проснётся!

— А можно я буду бояться вне очереди? — спросил Тюпа. — И с пирожком?

Кнопка подумала и разрешила. Пирожок нашёлся у бабушки Зины. Тюпа боялся с пирожком, и бояться ему стало намного легче.

Я скажу вам про них одну вещь. Тогда никто её не знал. Через двадцать лет Тюпа станет лучшим пекарем в городе. Его булочки будут возить по пневмопочте во все дома. А Кнопка станет капитаном. Настоящим. На большом корабле. И команда будет её очень любить. Хотя бояться на корабле будут строго по очереди.

Но тогда они этого не знали. Тогда шла гроза, и пирожок был один.

И они сидели и рассказывали истории. Кнопкин дедушка рассказал, как он однажды плыл по ванне во время грозы и не испугался. Дядя Гена рассказал, как изобрёл зонтик с колокольчиком. Тюпа рассказал про пирожок, который он съел в прошлую грозу. История была короткая. Пирожок тоже.

А Вастик рассказал про цепь. Про мостик. Про ниточку, которая краснеет от натуги. Про реку, которая работает на всех, даже не зная этого. И про тигра в розетке, которого нельзя трогать.

Его слушали очень внимательно. Даже взрослые. Особенно взрослые.

12

Около полуночи свет зажёгся.

Сразу везде. В доме бабушки Зины. На улице. В фонаре Аркадия Аркадьевича. Все зажмурились.

— Дали свет! — сказала бабушка Зина.

Вастик открыл глаза.

— Кто дал?

— Ну… — сказала бабушка Зина. — Дали. Так говорят.

Вастик подумал. И понял. Где-то в темноте, под дождём, кто-то в резиновых перчатках и с фонарём на каске залез на столб. И починил порванную дорожку. Пока все сидели при свечах. Пока Шуршик спал. Пока Тюпа рассказывал про пирожок.

— Тогда им тоже спасибо, — сказал Вастик. — Тем, кто дал. И реке.

— И тебе, — сказала бабушка Зина. — За фонарик.

Вастик немножко покраснел. Не по частям. Целиком. Как ниточка. Наверное, это было видно. Но никто ничего не сказал. Все улыбались.

Утром Вастик решил найти тех, кто дал. Это было его первое настоящее расследование, хотя он ещё не знал этого слова. Улик было немного. На столбе в конце улицы висела новая блестящая деталь. А на земле под столбом были следы резиновых сапог. Тридцать седьмой размер. Женские.

Под столбом стояла машина с лестницей. А на лестнице стояла женщина в оранжевой куртке и в каске с фонарём. Это была монтёр Светлана Ивановна. Её все звали Света. Потому что она давала свет.

Про Свету надо сказать вот что. Она двадцать лет лазает по столбам. В грозу, в мороз, в Грязнуху. Она не боится высоты, тока, молнии и темноты. Она боится только гусей. Один гусь в детстве гнался за ней через всю деревню. С тех пор она обходит гусей стороной. Даже нарисованных.

— Спасибо, — сказал Вастик снизу. — За свет. Это вы дали?

— Я, — сказала Света сверху. — И ещё двое. Они уже спят. А я вот доделываю.

Она слезла, порылась в кармане и дала Вастику белую фарфоровую штуку. Гладкую, похожую на маленький колокольчик без языка.

— Изолятор, — сказала она. — Со столба. Старый, треснутый. На провода такие ставят, чтобы ток не ушёл в столб. Держи. На память.

Вастик держал изолятор двумя руками. Он не знал, что такое «изолятор». Но он знал, что это теперь его вторая самая ценная вещь. После жёлтой отвёртки.

Дома Вастик открыл Книгу Почему и написал:

«ЭЛЕКТРИЧЕСТВО БЕГАЕТ ПО КРУГУ. ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ — МОСТИК. В РОЗЕТКЕ ТИГР — НЕ ТРОГАТЬ. СВЕТ ДЕЛАЕТ РЕКА, А ЧИНЯТ ЛЮДИ НА СТОЛБАХ. ВСЕМ СПАСИБО».

А ниже, на третьей странице:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ПОЧЕМУ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ХОЛОДНО, А СЗАДИ У НЕГО ТЕПЛО?»

Пряник в этот момент как раз открыл холодильник. И, конечно, не закрыл. Он никогда не закрывает. Но это уже следующая история.

Так оно и устроено.

Дело о тёплом холодильнике

1

Пряник открыл холодильник.

Это не новость. Пряник открывает холодильник каждый день. Он встаёт на задние лапы, цепляет дверцу когтем и тянет. Дверца открывается. Пряник смотрит внутрь, как директор смотрит на склад.

Закрывать холодильник Пряник не умеет. Он считает, что это не его работа. Он директор. Директора открывают. Закрывают другие.

— Пряник! — сказала мама. — Ты что, всю кухню решил заморозить?

Пряник не ответил. Он взял с полки кусочек сыра и ушёл с ним под стол. С достоинством.

Мама закрыла холодильник. А Вастик подошёл к холодильнику сзади.

Сзади у холодильника есть решётка. Чёрная, из тонких трубочек. Вастик поднёс к ней ладонь. Не трогая. Близко-близко.

От решётки шло тепло.

Вастик убрал руку. Подумал. Поднёс снова. Тепло.

Внутри холодильника — холодно. Там лежит масло, твёрдое, как камень. Там молоко, от которого ломит зубы. А сзади — тепло. Как от батареи.

Вастик достал Книгу Почему. Там уже был вопрос. Он записал его вчера. Он как будто знал.

«ПОЧЕМУ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ХОЛОДНО, А СЗАДИ У НЕГО ТЕПЛО?»

Потом в сыскном бюро «Почему» это дело получит номер три. И в нём будет главный подозреваемый, которого никто не ждал. Но не будем забегать вперёд. Сыщики не забегают. Они идут по следу.

2

Вот три догадки Вастика. Записываю как есть.

Догадка первая. Внутри холодильника живёт кусочек зимы. Маленький. Вастик знал, что зима бывает разная. Есть Первая зима — она приходит в гости на один день и уходит. Может быть, она не ушла, а спряталась в холодильник. Там ей уютно.

Догадка вторая. Холод привозят по пневмопочте. Из Антарктиды. Вастик был в Антарктиде, когда ездил вокруг света. Холода там очень много. Им не жалко. А трубы пневмопочты есть в каждом доме. Папа их сам придумал.

Догадка третья. Холодильник ест тепло. Он его глотает изнутри. А сзади у него… ну… выходит. Тёплое. Как у всех, кто поел.

Первые две догадки Вастик сразу проверил. Догадку без проверки дедушка называет «мнением». А мнений, говорит дедушка, у всех полные карманы, как у Шуршика.

Сначала Вастик приложил ухо к холодильнику. Если внутри живёт зима, её должно быть слышно. Холодильник гудел. Ровно, низко, сонно: «у-у-у-у».

— Мама, — шёпотом сказал Вастик. — Зима храпит.

Мама сказала, что это не зима, это мотор. Вастик сказал, что, может быть, у зимы мотор вместо храпа. Мама сказала, что спорить с ним — всё равно что спорить с Кнопкой. Это было неправдой. С Кнопкой спорить гораздо дольше.

Потом Вастик открыл дверцу пневмопочты в стене и заглянул в трубу. Если холод присылают из Антарктиды, где-нибудь в трубе мог застрять пингвин. Маленький. Или хотя бы перо.

В трубе было темно. Потом там сказало «чпок», и Вастику в лоб прилетела капсула. В капсуле были бублики из булочной. Тёплые. Это заказала бабушка.

Вастик записал: «ИЗ АНТАРКТИДЫ ПРИСЫЛАЮТ БУБЛИКИ. ТЁПЛЫЕ. ДОГАДКА НЕВЕРНА». Потом съел бублик. Расследование расследованием, а бублик остывает.

Третью догадку Вастик рассказал за завтраком. Папа подавился чаем. Мама сказала «Вастик!». Бабушка сказала, что, может быть, мальчик прав и не надо смеяться над наукой.

А дедушка сказал:

— Третья догадка — самая близкая. Пойдём.

3

В мастерской было холодно. Была осень. Хрустящая осень, когда листья под ногами хрустят, как печенье. Дедушка включил маленькую печку. Печка загудела и начала стараться.

Дедушка достал из шкафчика стеклянный флакон. Это был его одеколон. Дедушка душится одеколоном по праздникам. И по воскресеньям, когда идёт к Вастику на блины. Он говорит, что блины — это тоже праздник. Просто он бывает каждую неделю.

— Дай руку, — сказал дедушка.

Вастик дал. Дедушка капнул одеколоном ему на ладонь. Одну каплю.

— Ой! — сказал Вастик. — Холодно!

Капля была комнатная. Флакон стоял в тёплой мастерской. Но ладони было холодно. По-настоящему. Как будто на неё положили снежинку.

— А теперь подуй, — сказал дедушка.

Вастик подул. Стало ещё холоднее. А капля исчезла. Совсем. Ладонь стала сухая. Только пахла праздником.

— Куда она делась? — спросил Вастик.

— Испарилась, — сказал дедушка. — Превратилась в пар. В невидимый. И улетела. А теперь главное. Улетая, она взяла с собой немножко тепла. С твоей ладони. Поэтому ладони стало холодно.

— Она что, украла у меня тепло?

— Не украла. Взяла с собой. Как гость, который уходит и берёт с собой пирожки. Ему дали — он взял. Все довольны. Только пирожков на тарелке стало меньше.

Вастик посмотрел на свою ладонь с уважением. С неё только что ушли в гости пирожки.

4

— Вот почему ты мёрзнешь, когда вылезаешь из ванны, — сказал дедушка. — Вода на тебе испаряется и уносит тепло. И вот почему люди потеют, когда жарко. Пот испаряется и охлаждает. У каждого человека внутри маленький холодильник. Он включается сам.

— У меня тоже?

— У тебя тоже. Ты летом бегаешь, тебе жарко — и ты потеешь. Это твой холодильник работает.

Вастик это записал. Потом подумал и приписал: «У ПЕЛЬМЕНЯ ХОЛОДИЛЬНИК ВО РТУ».

Потому что Вастик вспомнил: Пельмень, такса Аркадия Аркадьевича, летом всегда высовывает язык и дышит быстро-быстро. Собаки не потеют, как люди. Они охлаждаются языком. Мокрый язык, ветер, пирожки улетают — и Пельменю прохладно.

— А у Пряника? — спросил Вастик.

— А Пряник, — сказал дедушка, — ложится на холодный пол. И ничего не делает. Это тоже способ.

Вастик решил, что у Пряника самый умный холодильник. Его не надо включать. Он работает лёжа.

5

— А теперь холодильник, — сказал дедушка. Он взял лист бумаги и стал рисовать. Дедушка рисует хуже папы. Но понятнее.

Он нарисовал ящик. В ящике — полки. По ящику, внутри стенок, бежит трубочка. Она бежит по кругу. Из ящика наружу, потом сзади, по решётке, и опять внутрь.

— Опять по кругу, — сказал Вастик. — Как электричество.

— В этом мире многое бегает по кругу, — сказал дедушка. — Вода. Электричество. Пряник вокруг миски. Ты вокруг стола, когда тебя зовут спать.

По трубочке, объяснил дедушка, бежит специальная жидкость. Она очень легко испаряется. Ещё легче, чем одеколон.

Вот что она делает. Я напишу по шагам, потому что так понятнее.

Шаг первый. Жидкость попадает в трубочки внутри холодильника. Там она испаряется. Превращается в пар. И, улетая, забирает тепло. У масла. У молока. У сыра. У всего. Как капля одеколона с ладони.

Шаг второй. Пар с теплом бежит по трубочке к насосу. Насос стоит внизу, сзади. Это сердце холодильника. Это оно гудит по ночам. Вастик всегда думал, что это холодильник храпит.

Шаг третий. Насос сжимает пар. Очень сильно. Как бабушка сжимает Вастика, когда он приходит в гости. Пар от этого становится горячим. И опять превращается в жидкость.

Шаг четвёртый. Горячая жидкость бежит по решётке сзади. И отдаёт тепло воздуху на кухне. Решётка — это место, где холодильник выдыхает.

Шаг пятый. Остывшая жидкость возвращается внутрь. И всё начинается сначала.

— Получается, — сказал Вастик медленно, — холодильник не делает холод?

— Не делает, — сказал дедушка.

— Он берёт тепло изнутри и выносит его наружу? Как мусор?

— Как мусор, — согласился дедушка. — Только очень аккуратно.

— Значит, моя третья догадка была правильная! Он ест тепло, а сзади выходит!

— Почти, — сказал дедушка. — Мы ведь договорились: «почти» — это очень хорошо.

6

Вот одна странная вещь. Мне её объяснили, когда я был взрослым. Она мне до сих пор кажется странной.

Холода не бывает.

Бывает только тепло. Много тепла — это жарко. Мало тепла — это холодно. А холод — это просто то место, откуда тепло ушло. Как пустая тарелка — это место, откуда ушли пирожки.

Когда ты говоришь «впусти холод», ты на самом деле говоришь «выпусти тепло». Когда ты говоришь «закрой дверь, холодно», ты говоришь «не отпускай моё тепло гулять».

Вастик долго об этом думал. Потом сказал:

— Значит, зима — это когда тепло уехало в отпуск?

— Можно и так сказать, — сказал дедушка.

— В Австралию, — сказал Вастик. — Я знаю. Я там был. Оно там.

7

Вечером Вастик рассказал всё папе. Папа слушал, кивал и хмыкал первым способом — «я это знаю». Потом Вастик сказал:

— А если оставить холодильник открытым, кухня станет холоднее? Он же будет выносить тепло.

— Конечно, станет, — сказал папа. — Холодильник открытый — значит, холод идёт наружу.

Дедушка, который пил чай, поставил чашку.

— А ты подумай, — сказал он папе. — Куда он вынесет тепло?

Папа подумал.

— Сзади… на кухню, — сказал он.

— А берёт откуда?

— Изнутри… из открытой дверцы… с кухни…

Папа замолчал. Он покраснел. Начиная с ушей.

— Он берёт тепло с кухни и отдаёт его на кухню, — сказал Вастик. — Он бегает по кругу. Как Пряник вокруг миски. Только устаёт. И ещё сам греется от работы. Значит, кухня станет теплее!

Вот такая история. Вастику семь лет. Папа — инженер. Иногда так бывает. Это нормально. Папа сам потом сказал, что это нормально. Он сказал, что именно для этого и нужны дети. Чтобы инженеры не зазнавались.

8

Решили проверить. Расследование без проверки — это просто разговор.

Повесили на кухне градусник. Записали, сколько он показывает. Потом открыли холодильник. И оставили открытым. На один час.

Мама была против. Мама сказала, что всё растает. Дедушка сказал, что за час растает только мамино терпение. Мама сказала «хм». Самое сердитое слово. Но разрешила. Это было расследование.

Чтобы ничего не растаяло, всё быстро вынули и сложили в таз со льдом. Лёд дедушка принёс с улицы — была Первая зима, она как раз пришла в гости на один день и оставила во дворе лёд.

Когда вынимали продукты, в ящике для овощей, под капустой, нашли шоколадку. Большую. Начатую.

Все посмотрели на бабушку.

Бабушка живёт через дорогу. У неё свой холодильник. Но шоколадку она почему-то хранила у Вастика.

— Это для витаминов, — сказала бабушка. — Капуста без шоколада плохо хранится. Это все знают. Так в народе говорят. Кажется.

Никто такого не слышал. Но все кивнули. Бабушке можно. Она всю жизнь кормит всех блинами. Один раз можно кормить шоколадом себя.

Только Вастик не кивнул. Он взял дедушкину лупу и посмотрел на шоколадку. Как сыщик. На шоколадке были следы зубов. Два ряда. Большие. Бабушкины так не кусают — бабушка отламывает по квадратику. Вастик это знал. Он видел.

Вастик медленно поднял лупу и посмотрел через неё на папу.

Папа очень внимательно смотрел в окно.

— Это… — сказал папа. — Это была проверка. Шоколадки. На свежесть. Инженерная.

Бабушка посмотрела на папу. Папа — её сын. Она его знает с самого рождения. Она сказала:

— Медведь.

И все засмеялись. Даже папа. Так закончилось дело о шоколадке под капустой. Улики съели. Всех простили. Вастик записал в Книгу Почему: «ПАПА ПРОВЕРЯЕТ НА СВЕЖЕСТЬ ВСЁ СЛАДКОЕ. НОЧЬЮ. ЭТО У НЕГО УСТРОЙСТВО ТАКОЕ».

Пока ждали час, вся семья стояла на кухне и смотрела на градусник. Как на хоккей. Папа болел за «холоднее». Вастик — за «теплее». Мама — чтобы всё поскорее кончилось. Бабушка болела за того, кто проигрывает. Она всегда так делает. Ей их жалко.

На сороковой минуте в дверь постучали. Вошёл Аркадий Аркадьевич Важнецов. Он пришёл одолжить соль. Он увидел открытый холодильник.

— Кхм, — сказал Аркадий Аркадьевич. — Непорядок.

И закрыл дверцу. Плотно. Как закрывают папку с важными бумагами.

На кухне стало очень тихо.

— Аркадий Аркадьевич, — сказал дедушка очень вежливо, — у нас был опыт. Сорок минут.

Аркадий Аркадьевич покраснел. Целиком, не по частям. Он открыл дверцу обратно. Сел на табуретку. Сказал, что останется наблюдателем. Официальным. От Отдела. Чтобы впредь всё было по порядку. Он просидел оставшийся час, не сводя глаз с градусника. Соль он так и не взял. Забыл.

Опыт начали заново. Мама сказала «хм» два раза подряд. Такого не было никогда.

Через час посмотрели на градусник. На кухне стало теплее. Чуть-чуть. На один градус. Но стало.

— Вот, — сказал Вастик. — Так оно и устроено.

Папа пожал Вастику руку. Как инженер инженеру.

9

Оставалась одна проблема. Пряник.

Пряник открывал холодильник каждый день. А теперь все знали, что это не только плохо для сыра, но и плохо для холодильника. Он работает, бегает по кругу, устаёт и зря греет кухню.

Пришёл дядя Гена. Это папа Шуршика. Он изобретатель. У него в гараже лежит всё, что пригодится. Всё, что дядя Гена изобретает, звенит. Зонтик с колокольчиком. Калоши с колокольчиком. Однажды он изобрёл тихий колокольчик. Но тот тоже звенел.

Дяде Гене сорок четыре года. В его гараже три тысячи вещей, которые пригодятся. За двадцать лет пригодились четыре. Дядя Гена считает это отличным результатом. Он говорит, что одна пригодившаяся вещь окупает тысячу непригодившихся. С математикой у дяди Гены свои отношения. Тёплые, но непростые.

Дядя Гена посмотрел на холодильник, посмотрел на Пряника и сказал:

— Тут нужен колокольчик.

Он привязал к дверце холодильника маленький колокольчик на пружинке. Когда дверца открывалась, колокольчик звенел: «Дзинь-дзинь-дзинь!». И звенел, пока дверцу не закроют.

Пряник подошёл. Встал на задние лапы. Подцепил дверцу когтем. Потянул.

«Дзинь-дзинь-дзинь!»

Пряник подпрыгнул. На высоту в полтора Пряника. Приземлился на все четыре лапы. И убежал под диван. Без сыра.

С тех пор Пряник холодильник не открывал. Иногда он подходил к нему и смотрел. Долго. С упрёком. Но не открывал. Директор понял, что на складе завели сигнализацию.

Нет, не сразу. Сначала Пряник попробовал перехитрить колокольчик. Он подкрался к холодильнику ночью. Медленно. На цыпочках, если у котов бывают цыпочки. Он придержал колокольчик одной лапой, а другой подцепил дверцу. Это был очень умный план. Пряник думал над ним три дня. Лёжа.

«Дзинь-дзинь-дзинь!» — сказал колокольчик. Он был на пружинке. Он звенел, даже когда его держали.

Ровно через секунду на кухне появилась Ватрушка. Она была уверена, что звенит сметана. Ватрушка появлялась на каждый звонок. Шесть раз за день. Сметану ей не давали ни разу. На седьмой день Ватрушка перестала приходить. Она поняла, что колокольчик — это ложная тревога. Пряник так ничего и не понял. Он директор. Директорам трудно признать, что их перехитрил колокольчик.

Я скажу вам одну вещь. Колокольчик провисит на холодильнике двенадцать лет. Пряник так его и не простит.

10

— А раньше, — спросил Вастик дедушку, — когда холодильников не было, где хранили молоко?

— В леднике, — сказал дедушка. — У моего деда был ледник. Это погреб. Глубоко в земле. Зимой на реке пилили лёд. Большими кубами. Как кирпичи для великана. Привозили на санях. Складывали в погреб. Засыпали опилками. И лёд лежал там всё лето. Почти до осени.

— Всё лето? И не таял?

— Таял. Но медленно. Опилки как одеяло. Только наоборот. Одеяло держит тепло в тебе. А опилки держат тепло снаружи. Не пускают к льду.

— А ты туда лазил? — спросил Вастик.

— Один раз, — сказал дедушка. — Мне было семь. Как тебе. Мама велела чистить картошку. Целое ведро. А я спрятался в ледник. Я думал: там меня никто не найдёт. И правда. Никто не нашёл. Целый час.

— А потом?

— А потом я замёрз так, что начал чихать. Мама нашла меня по чиханию. Я вылез синий, как василёк. И почистил ведро картошки с огромной радостью. Картошку чистили у печки.

Дедушка помолчал.

— Так я узнал важную вещь, — сказал он. — От работы спрятаться можно. Но там, где от неё прячутся, обычно очень холодно.

— Значит, одеяло — это тоже холодильник? — спросил Вастик.

Дедушка подумал.

— Одеяло — это холодильник наоборот. Тепловильник.

Вастик записал новое слово в Книгу Почему. Оно ему очень понравилось. Он решил, что будет называть одеяло только так. Бабушка потом долго не могла понять, почему Вастик просит её «подоткнуть тепловильник».

11

Теперь правила. Дедушка сказал их коротко. Я их тоже скажу коротко.

В холодильник не залезают. Даже если играют в прятки. Даже если очень жарко. Даже в старый холодильник, который стоит в сарае и не работает. Особенно в него. Его дверца закрывается плотно, а изнутри не открывается. Там нечем дышать. Это не шутка. Это совсем не шутка.

Шнур холодильника не дёргают. Там тигр. Мы про тигра уже знаем.

Зимой не лижут железо на улице. Качели, перила, ручки. Язык прилипнет. Это потому, что мокрый язык на сильном морозе замерзает и примерзает к железу. Дедушка рассказал, что Кнопкин дедушка-Капитан в детстве лизнул якорь. Зимой. На спор. Его отклеивали тёплым чаем. Капитан до сих пор не любит, когда об этом вспоминают. Поэтому все вспоминают.

Вастик записал все три правила. Над третьим нарисовал якорь. И язык. Получилось страшно, но смешно.

12

Вечером на кухне поспорили мама и папа. Совсем немножко. О том, кто забыл купить хлеб. Папа начал говорить громче. И мама сказала ему:

— Остынь.

Вастик тут же встал, открыл холодильник — «дзинь-дзинь-дзинь!» — и сказал:

— Пап, давай. Я подержу дверцу. Только недолго. А то кухня нагреется.

Папа посмотрел на холодильник. Потом на Вастика. Потом на маму. И засмеялся. Мама тоже засмеялась. Хлеб купили вместе. Пошли за ним все трое, под руку. Даже Пряник проводил их до двери.

— «Остынь» — это так говорят, — объяснила по дороге мама. — Значит: успокойся. Не горячись.

— Я понял, — сказал Вастик. — Это значит: выпусти пирожки. Чтобы они улетели. И тебе стало прохладно и хорошо.

Мама сказала, что лучше и не объяснишь.

13

Перед сном Вастик чихнул.

Не от простуды. От василька. Он нечаянно понюхал его, когда поливал. И стал маленьким. И оказался в Лопухове.

В Лопухове был тёплый вечер. В Лопухове погода своя, отдельная. Хвастик стоял на камушке красный и пыхтел.

— Я пробежал вокруг лопуха сто раз! — сказал он. — Быстрее всех! Мне жарко! Мне так жарко, как никому никогда не было!

Мураш ничего не сказал. Он подошёл к капле росы на листике, обмакнул в неё маленький листок и положил Хвастику на лоб. Потом встал рядом и начал махать другим листиком. Как веером.

— Ой, — сказал Хвастик. — Прохладно.

— Вода испаряется, — сказал Вастик. — И уносит твоё тепло. Как гость — пирожки.

— Я так и задумал, — сказал Хвастик. — Я специально был горячим. Чтобы проверить, как Мураш машет. Для всех.

Мураш махал и молчал. Потом сказал:

— Остыть может каждый. Но кто-то должен махать.

Вастик записал это, когда проснулся. Он не знал, что это значит. Но чувствовал, что что-то очень важное.

14

Утром Вастик открыл Книгу Почему и написал:

«ПОЧЕМУ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ХОЛОДНО? ПОТОМУ ЧТО ОН ВЫНОСИТ ТЕПЛО НАРУЖУ. КАК МУСОР. ПО ТРУБОЧКЕ. ПО КРУГУ. ХОЛОДА НЕ БЫВАЕТ. БЫВАЕТ ТОЛЬКО, КОГДА ТЕПЛО УШЛО. ОДЕЯЛО — ТЕПЛОВИЛЬНИК. В ХОЛОДИЛЬНИК НЕ ЛАЗИТЬ. ЖЕЛЕЗО ЗИМОЙ НЕ ЛИЗАТЬ».

А на следующей странице:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ПОЧЕМУ УТЮГ ГОРЯЧИЙ, А РУЧКА У НЕГО — НЕТ?»

Потом Вастик пошёл на кухню. Пряник сидел у холодильника. Смотрел на колокольчик. Колокольчик смотрел на Пряника. Они не нравились друг другу. Но уважали.

Вастик открыл холодильник — «дзинь-дзинь-дзинь!» — достал кусочек сыра и дал Прянику. Потом закрыл дверцу. Сразу.

Пряник съел сыр. Посмотрел на Вастика. И первый раз в жизни потёрся о его ногу не потому, что хотел есть. А просто так.

Хотя, может быть, и потому, что хотел есть. С котами никогда точно не знаешь.

Днём во дворе играли в прятки. Кнопка водила и никого не нашла. Даже Шуршика, который уснул прямо за бочкой и храпел. Кнопка покраснела. Начала топать. И сказала:

— Это не считается! Это была тренировка!

Она всегда так говорит, когда проигрывает. У неё было уже сорок семь тренировок. Ни одной настоящей игры она не проиграла.

Кнопка горячилась. От неё почти шёл пар. Вастик молча сорвал большой лист лопуха и начал им махать. На Кнопку. Как веером.

— Ты что делаешь? — спросила Кнопка.

— Машу, — сказал Вастик. — Кто-то должен махать.

Кнопка посмотрела на него. Потом на лист. Потом засмеялась. Остыла. И сказала, что следующую игру будет водить Вастик. И что это будет не тренировка. А настоящая. Кнопка умеет командовать даже тогда, когда остывает.

Так оно и устроено.

Дело об утюге и треугольнике

1

В субботу мама гладила.

Гладила она папину рубашку. Белую, с пуговицами. Папа надевает её, когда идёт на важное совещание. Совещание — это когда много инженеров сидят за одним столом и долго говорят. А потом идут чертить то, что придумали бы и без совещания.

— Можно я помогу? — спросил Вастик.

— Можно, — сказала мама. — Погладь рукав. Вот этот. Только аккуратно.

Вастик подошёл. Взял рукав. И стал его гладить. Ладонью. Нежно. Как гладят Пряника, когда он в хорошем настроении. От плеча к манжете. И обратно. И ещё раз.

Рукав был не против. Но мятым он остался таким же.

Мама засмеялась.

— Утюгом, Вастик. Гладят утюгом. Я имела в виду — подержи рукав, а я поглажу.

Вастик подумал. Потом посмотрел на Пряника. Пряник лежал на кресле. Его утром гладили. Все. По очереди.

— Мама, — сказал Вастик очень тихо. — А Пряника тоже гладят. Значит, его тоже…

— НЕТ! — сказала мама так громко, что Пряник открыл один глаз. — Пряника гладят ру-кой. Рубашку гладят у-тю-гом. Это одно слово, но два разных дела.

Пряник закрыл глаз обратно. Он понял, что ему ничего не грозит. У котов на это чутьё.

Взрослые часто называют одним словом разные вещи. А потом удивляются, что дети путают. Вастик внёс «гладить» в свой список вещей, которые взрослые говорят просто так. Список рос. Он был уже длиннее Пряника. Если Пряник вытянется.

2

Мама гладила, а Вастик смотрел.

Утюг был тяжёлый и блестящий. Снизу у него была гладкая железная подошва. Мама водила утюгом по рубашке, и рубашка из мятой становилась ровной. И от неё шёл пар. И пахло тёплым и чистым. Как пахнет мама, когда обнимает после ванны.

— Он очень горячий? — спросил Вастик.

— Очень, — сказала мама. — Подошва горячее, чем кипяток. Если тронуть — будет ожог.

А мама держала утюг за ручку. Голой рукой. Спокойно. Как будто это была ручка от зонтика.

Вастик посмотрел на подошву. Горячая. Посмотрел на ручку. Мама держит. Посмотрел на маму. Мама не обжигается.

Вастик достал Книгу Почему и написал:

«ПОЧЕМУ УТЮГ СНИЗУ ГОРЯЧИЙ, А РУЧКА — НЕТ? ОНИ ЖЕ ВМЕСТЕ».

Подумал. И добавил: «РУБАШКУ НЕ ГЛАДИТЬ РУКОЙ. ПРЯНИКА НЕ ГЛАДИТЬ УТЮГОМ».

Это было не про «почему». Но это было важно.

Потом это дело получит номер четыре. В нём будет треугольник, главный инженер и одна таинственная открытка. Открытка — самое главное. Но до неё ещё далеко.

3

Вот три догадки. Вы уже знаете, что они всегда бывают три. Это не правило. Просто так получается.

Догадка первая. Ручка боится жары. Она отодвинулась от подошвы так далеко, как могла. Поэтому она наверху. Как Шуршик на пляже — всегда в тени, всегда подальше от солнца. И спит.

Догадка вторая. Тепло тяжёлое. Оно падает вниз. Как варенье с ложки. Поэтому всё тепло стекает в подошву, а ручке ничего не достаётся.

Догадка третья. Ручка сделана из другого. Не из железа. Из чего-то, что не любит тепло. Из холодоустойчивого. Вастик не знал, есть ли такое слово. Но он чувствовал, что должно быть.

Вечером пришёл дедушка. Не стучал. Дверь была открыта. Он просто вошёл и сказал «тук-тук-тук» голосом.

Вастик показал ему три догадки.

— Первая — красивая, — сказал дедушка. — Вторая — неправильная, но очень интересно неправильная. А третья — в точку. Пойдём. Только надень шапку. Сегодня Хрустящая осень решила, что она почти зима.

4

В мастерской дедушка поставил на верстак большую кружку. Налил в неё горячий чай из термоса. Сам. Вастику он налить не дал.

— Кипяток наливает взрослый, — сказал он. — Это правило. Оно не висит на стене. Оно висит в голове.

Потом дедушка положил на верстак три ложки.

Железную. Обычную, из буфета.

Деревянную. Бабушкину, которой мешают варенье.

Пластмассовую. Жёлтую. От детского набора, который Вастик давно перерос.

Дедушка поставил все три ложки в кружку. Ручками вверх.

— Ждём, — сказал он. — Две минуты.

Две минуты для Вастика — это очень долго. Это примерно как от лета до лета. Чтобы время шло быстрее, Вастик считал отвёртки на стене. Он насчитал сорок две. Сорок третья была у него. Она лежала в кармане. Вастик её потрогал. Она была на месте.

Потом Вастик попробовал другие способы ускорить время. Я их перечислю, потому что они могут вам пригодиться. Ни один не работает.

Способ первый. Не смотреть на ложки. Вастик отвернулся. Но спиной он чувствовал, как ложки стоят в кружке и ничего не делают. Это было ещё дольше.

Способ второй. Спрашивать «уже?». Вастик спросил «уже?» одиннадцать раз. Дедушка сказал, что каждое «уже» прибавляет к двум минутам ещё полминуты. Это закон природы. Его открыли дедушки всего мира, независимо друг от друга.

Способ третий. Прыгать на одной ноге. Время от этого не ускорилось. Но Вастик хотя бы согрелся.

— Теперь потрогай ручки. Самые кончики. Осторожно. Сначала деревянную.

Деревянная была прохладная. Как будто её никуда и не ставили.

Пластмассовая — тоже почти прохладная. Чуть-чуть тёплая. Совсем чуть-чуть.

— А теперь железную. Только самый-самый кончик. Одним пальцем. И сразу убирай.

Вастик тронул. И сразу убрал.

— Горячая! — сказал он. — Она же торчит из чая! Она чай даже не трогает! Ну, трогает, но только низом!

5

— Вот, — сказал дедушка. — Тепло передаётся. Изнутри вещи. От горячего конца к холодному. Как будто из рук в руки.

Он объяснил так. Я передаю дословно, потому что лучше не скажешь.

— Представь, что ложка — это длинная очередь. Очередь из маленьких-маленьких частичек. Такие маленькие, что их не видно даже в лупу. Нижние частички стоят в горячем чае. Им жарко. Они начинают трястись. Толкаются. И толкают соседей. Соседи тоже начинают трястись. И толкают своих соседей. И так — по всей очереди. До самой ручки. Пока не дотрясётся до твоего пальца.

— Как новость, — сказал Вастик. — Бабушка Зина что-то увидела в бинокль. Сказала Тюпиной маме. Тюпина мама — Кнопке. Кнопка — всем. Через пять минут знает вся улица.

— Точно, — сказал дедушка. — Железо — оно как Кнопка. Передаёт всё сразу и всем. Это называется «проводник». Металлы — хорошие проводники. Железо, медь, алюминий.

— А дерево?

— А дерево — как Мураш. Молчит. Ему скажут — он подумает. Может быть, передаст. Но очень-очень не скоро. Пластмасса — тоже молчун. Ткань — молчун. Это называется «изолятор». Тот, кто не передаёт.

Вастик вспомнил провода. Медные. В красной и синей рубашке.

— Дедушка! Провода тоже такие! Медь передаёт электричество — она как Кнопка. А рубашка на проводе — молчун. Она не даёт электричеству выбежать!

Дедушка поднял бровь. Одну. Это у него значит «ого».

— Именно, — сказал он. — Это одна и та же идея. Одни передают, другие — держат. И мы ставим их рядом. Так, чтобы кто нужно — передавал. А кто нужно — молчал.

Вастик записал: «ЖЕЛЕЗО — КНОПКА. ДЕРЕВО — МУРАШ. РУЧКИ ДЕЛАЮТ ИЗ МУРАШЕЙ».

Он перечитал. Ему показалось, что звучит немножко странно. Но правильно.

6

— А у утюга? — спросил Вастик.

— У утюга подошва — железная. Внизу внутри — горячая спираль. Как ниточка в лампочке, только толстая. Она греет подошву. Подошва — Кнопка, она быстро становится горячая вся. А ручка — из пластмассы. Молчун. И между ручкой и подошвой — воздух. А воздух — самый главный молчун на свете.

— Воздух?! — Вастик посмотрел вокруг. Воздух был везде. Он не выглядел как молчун. Он вообще никак не выглядел.

— Воздух тепло почти не передаёт, — сказал дедушка. — Он лентяй. Поэтому мы его везде используем. Знаешь, почему шуба тёплая?

— Потому что меховая?

— Потому что в мехе — воздух. Между волосками. Много-много маленьких пузырьков воздуха. Они держат твоё тепло у тебя. Не выпускают.

Вастик вспомнил Пряника. Зимой Пряник становится толстым. Не от еды. То есть не только от еды. Он распушается. Шерсть встаёт дыбом. Пряник становится в полтора раза больше.

— Пряник распушается, чтобы запустить в шерсть воздух! — сказал Вастик. — Он носит воздух как шубу!

— Именно, — сказал дедушка. — И птицы зимой нахохливаются. И валенки — это войлок, в нём воздух. И двойные рамы на окнах — между ними воздух. И вата между рамами.

— Тепловильник, — сказал Вастик. — Одеяло — тоже воздух?

— Одеяло — особенно воздух. Поэтому толстое пуховое одеяло такое тёплое. В нём больше воздуха, чем пуха.

Вастик долго молчал. Потом сказал:

— Получается, меня каждую ночь укрывают воздухом. А я думал — одеялом.

— Получается так, — сказал дедушка. — Воздух в одеяле. Как варенье в пирожке.

7

Потом дедушка достал термос. Тот самый, из которого наливал чай. Термос был старый, зелёный, с вмятиной на боку. Дедушка брал его на рыбалку ещё до того, как родилась мама.

— Чай в нём горячий с утра, — сказал дедушка. — Я его налил в шесть часов. Сейчас вечер. А он всё ещё обжигает.

— Почему?

Дедушка открутил дно. Оказалось, что термос внутри — как бутылка в бутылке. Одна стеклянная колба внутри другой. И между ними тонкий-тонкий зазор.

— А между стенками, — сказал дедушка, — ничего.

— Воздух?

— Даже не воздух. Ничего. Пустота. Воздух оттуда откачали. А пустоте нечем передавать тепло. Там никто не стоит в очереди. Некому трясти соседа. Нет соседей.

Вастик заглянул в зазор. Там правда было ничего. Он никогда раньше не видел ничего так близко.

— Значит, это самый главный молчун, — сказал он. — Даже не молчун. Его нету.

— Да, — сказал дедушка. — Лучший способ не передавать новости — когда некому их рассказать.

Вастик записал: «ТЕРМОС — ЭТО ПУСТОТА В БУТЫЛКЕ. ПУСТОТЕ НЕКОМУ РАССКАЗАТЬ ПРО ТЕПЛО». И нарисовал бутылку в бутылке. Бутылки получились разного роста. Одна была как папа, а другая как Вастик. Внутри папы стоял Вастик. Вастику понравилось.

8

Теперь главная главка. В ней почти нет шуток. Так бывает, когда речь о том, что может сделать больно.

Горячее бывает везде. На кухне его больше всего. Вот правила кухни. Их сказала мама, а дедушка кивал.

Кипяток наливают только взрослые.

Из носика чайника идёт пар. Пар горячее, чем кажется. Руку над носиком не держат. Даже на секундочку. Даже чтобы погреться.

Ручки кастрюль и сковородок на плите поворачивают внутрь, к стене. Чтобы никто не задел их рукавом и не опрокинул на себя.

К плите, когда она горит, близко не подходят. И к духовке. У духовки дверца горячая, хотя выглядит как обычная дверца. Это хитрая дверца.

Утюг, когда закончили гладить, ставят на пятку — стоя. И выключают из розетки. Утюг, который лежит на подошве, может прожечь всё, что под ним. Даже стол. Даже пол.

Горячее берут прихваткой. Прихватка — это молчун, который держит за тебя.

А если всё-таки обжёгся — сразу под холодную воду. Надолго. Пока считаешь до ста, а потом ещё раз до ста. И сразу сказать взрослому.

Тут бабушка, которая как раз пришла с пирогом, сказала:

— А в наше время ожог мазали сметаной! Или маслом! Сразу проходило!

При слове «сметана» из ниоткуда появилась Ватрушка. Она всегда появляется при этом слове. Даже если его говорят шёпотом. Даже в соседней комнате.

— Мама, — сказала мама бабушке. Бабушка — это папина мама, но мама тоже зовёт её мамой. Так бывает. — Не надо сметаной. И маслом не надо. Сметана держит тепло в коже. Как одеяло. Ожогу нужно остыть. Нужна холодная вода.

Бабушка посмотрела на маму очень внимательно. Потом кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Проверка пройдена. Холодная вода, не меньше десяти минут. Ничего не мазать. Пузыри не трогать. Я просто хотела посмотреть, кто в этом доме знает.

Все замолчали. Папа перестал жевать пирог. Он даже не успел его откусить, но всё равно перестал.

— Мама, а откуда ты… — начал папа.

— Работала, — сказала бабушка. — С бумагами. — И пошла резать пирог. Ровно на восемь кусков. Не глядя.

А Ватрушка посмотрела на всех с огромным разочарованием. Сметану так никто и не достал. Она ушла. Но недалеко. На всякий случай.

9

В понедельник папа шёл на совещание. В белой рубашке. Рубашку он решил догладить сам, потому что мама ушла на работу рано.

Папа включил утюг. Положил рубашку. Начал гладить спину. И тут ему пришла в голову мысль. Про трубы. Папе часто приходят в голову мысли про трубы. Они приходят без стука.

Папа взял салфетку и начал рисовать трубу. А утюг остался лежать на рубашке. На спине. Подошвой вниз.

Пахло тёплым и чистым. Потом пахло просто тёплым. Потом пахло так, как не должна пахнуть ни одна рубашка.

— Пап! — сказал Вастик. — Утюг лежит на подошве! Пятку!

Папа подскочил и поднял утюг. На спине рубашки был коричневый треугольник. Ровный. Красивый даже. Как будто его начертили на «Логарифме».

Папа смотрел на треугольник. Треугольник смотрел на папу. Другой рубашки не было. Совещание было через сорок минут.

— Ничего, — сказал папа. — Я надену пиджак. И не буду его снимать.

В тот день было тепло. Хрустящая осень передумала быть зимой и стала почти летом. Папа просидел всё совещание в пиджаке. Ему было жарко. Он потел. Внутренний холодильник папы работал изо всех сил.

— Вам не жарко? — спросил главный инженер, Борис Петрович. Он сидел во главе стола. Тоже в пиджаке.

Про Бориса Петровича надо сказать несколько слов. Ему пятьдесят шесть лет. Он построил в городе одиннадцать мостов и ни одного не уронил. В детстве он хотел стать фокусником. Он до сих пор умеет доставать монетку из уха. Из чужого. Он делает это, когда совещание идёт плохо. Совещания идут плохо примерно раз в неделю. Поэтому у всех инженеров в отделе есть хотя бы одна монетка, которую им достали из уха.

— Нет-нет, — сказал папа. — Мне в самый раз. Я… закаляюсь.

— А, — сказал Борис Петрович. — Я тоже. Закаляюсь. Уже третий час.

Остальные инженеры сидели в одних рубашках и смотрели на них с удивлением. Двое взрослых мужчин в пиджаках. В жару. С мокрыми лбами. И оба говорят, что им прохладно. Со стороны это было похоже на соревнование, в котором никто не знает правил.

А в конце совещания главный инженер, Борис Петрович, тоже не выдержал. Снял свой пиджак. И все увидели у него на спине… коричневый треугольник. Точно такой же.

Все замолчали. Потом Борис Петрович сказал: «Кхм». Почти как Аркадий Аркадьевич. Потом папа снял свой пиджак. Потом засмеялись все. Оказалось, у каждого инженера есть такая рубашка. Хотя бы одна. Инженеры часто думают о трубах, когда гладят.

Вечером папа рассказал это за ужином. И сказал Вастику спасибо. За «пятку». Если бы не Вастик, треугольник был бы не треугольник, а дырка. А с дыркой даже пиджак не помогает.

10

За тем же ужином бабушка сказала:

— Обжёгшись на молоке, дуют на воду.

Вастик тут же взял свой стакан с водой и подул на него. Вода была холодная. Из-под крана. Он подул ещё раз, на всякий случай.

— Это так говорят, — сказала мама. — Это значит: когда человек один раз ошибся, он потом осторожничает даже там, где не надо.

Все посмотрели на папу. Папа ел котлету. Ножом и вилкой. Очень осторожно. Как будто котлета могла оставить на нём треугольник.

— Я понял, — сказал Вастик. — Папа теперь будет дуть на все рубашки.

Папа сказал, что будет. Минимум неделю.

А потом дедушка сказал:

— Куй железо, пока горячо.

Вастик посмотрел на утюг. Утюг стоял на пятке и остывал. Вастик посмотрел на дедушку. Потом на молоток, который лежал в прихожей, потому что дедушка всегда носил с собой молоток.

— Нет! — сказали мама, папа и бабушка одновременно.

— Это тоже так говорят, — объяснил дедушка. — Это значит: делай дело, пока есть возможность. Пока все в настроении. В кузнице железо раскаляют докрасна. Тогда оно мягкое, и из него можно сделать подкову. А когда остынет — уже твёрдое. Поздно.

— А какое у нас дело? — спросил Вастик.

— А это ты узнаешь завтра, — сказал дедушка. И подмигнул. Медленно. Одним глазом. Как Пряник, когда что-то задумал.

И тут в стене сказало: «Чпок».

Это пришла пневмопочта. В каждом доме в городе есть труба пневмопочты. По трубе летают капсулы. В капсулах — письма, открытки, бублики из булочной и лекарства из аптеки. Трубы придумал папа. Поэтому каждый «чпок» папа слушает с гордостью. Как будто это аплодисменты.

Вастик открыл капсулу. Внутри была открытка. На открытке был нарисован утюг. С крылышками. Он летел над облаками и разглаживал их. Облака за ним становились ровными и гладкими, как простыня.

На обороте было написано мелким, острым почерком:

«Мальчику, который задаёт вопросы. Изобретение № 211. Утюг для облаков. Чтобы небо было гладким по праздникам. Не работает. Как и предыдущие двести десять. С уважением, Е. Шестерёнкин».

— Кто это? — спросил Вастик.

Все переглянулись. Даже Пряник.

— Это изобретатель Шестерёнкин, — сказал дедушка. — Ефим Ефимович. Он живёт в последнем доме на нашей улице. С флюгером в виде чайника.

Вот что про него известно. Немного. Ему восемьдесят три года. Сорок лет назад он изобрёл что-то очень важное для всего города. Что именно — никто не помнит. С тех пор он изобретает дома. Он изобрёл двести одиннадцать вещей. Ни одна не работает. Кроме одной. Какой — тоже никто не знает. Из дома он не выходит. Его никто не видел уже много лет. Даже бабушка Зина. Даже в бинокль.

— А откуда он знает про меня? — спросил Вастик.

Мама вздохнула.

— Ты рассказал Кнопке про Книгу Почему?

— Рассказал.

— Ну вот. Кнопка — проводник. Ты же сам говорил: Кнопка — как железо. Передаёт всё сразу и всем.

Вастик поставил открытку на полку. Рядом с жёлтой отвёрткой. Он смотрел на летающий утюг и думал, что у него теперь есть тайна. Настоящая. Размером с целый дом. С флюгером в виде чайника.

11

Ночью Вастик чихнул. Он не собирался. Просто василёк стоял у кровати, а нос у Вастика любопытный.

В Лопухове был день. Солнце грело камушки на дорожке. Хвастик стоял на самом большом камушке и подпрыгивал.

— Я могу держать горячий камушек! — кричал он. — Голыми руками! Вот этот! Смотрите!

Он схватил камушек, который лежал на солнце с самого утра.

— Ай! Ай-ай! — сказал Хвастик. — Это я специально! Проверял! Камушек правда горячий! Для всех проверял!

Тётушка Улитыч, улитка, медленно спряталась в свой домик. У неё домик — сразу и шуба, и прихватка, и термос. Ей всё равно, жарко или холодно. Она внутри.

Мураш ничего не сказал. Он принёс сухой листочек, сложил его вдвое и подал Хвастику.

Хвастик взял камушек через листочек. Камушек был горячий. Но через листочек — не больно.

— Это прихватка, — сказал Вастик. — Молчун. Он держит за тебя.

— Я так и знал, — сказал Хвастик. — Я бы сам придумал. Через минуту. Даже через полминуты.

Мураш забрал камушек и положил его в тень.

— Хвастаться горячим — легко, — сказал он. — Труднее — найти, чем взять.

Вастик это запомнил. Когда он проснулся, он немножко подул на свою ладонь. На всякий случай. Хотя камушек держал не он.

12

Назавтра дедушка позвал Вастика в мастерскую. На верстаке лежала бабушкина сковородка.

Вастик её знал. Это была старая чугунная сковородка. На ней бабушка печёт блины. Уже очень много лет. Может, тысячу мильон блинов. У сковородки была железная ручка. И каждый раз бабушка брала её полотенцем. А полотенце иногда соскальзывало. И бабушка говорила «ой» и дула на пальцы. И никогда не жаловалась. Бабушки редко жалуются. Это у них такое устройство.

— Вот наше дело, — сказал дедушка. — Сделаем ей ручку. Из Мураша.

— Из дерева! — сказал Вастик.

Они выбрали брусок. Берёзовый, светлый. Дедушка разметил его карандашом. «Семь раз отмерь — один отрежь», — сказал он. Вастик отмерил семь раз. Получилось семь разных чисел. Дедушка сказал, что это нормально, просто надо мерить одним концом рулетки, а не тем, который удобнее. Вастик отмерил ещё раз. Получилось одно число. Это было волшебство. Оно называется «аккуратность».

Пилил дедушка. Вастик держал. Строгал дедушка. Вастик смотрел, как из-под рубанка выходят стружки — длинные, кудрявые, как бабушкины волосы на старой фотографии.

Потом Вастик шкурил. Это ему доверили. Шкурка — это бумага, которая царапается. Вастик шкурил ручку, пока она не стала гладкой, как пятка Пряника. Или ещё глаже.

Потом он шкурил дальше. Ему понравилось. Шкурка шуршала, стружка-пыль летела, ручка становилась всё глаже. И всё тоньше.

— Стоп, — сказал дедушка. — Ещё пять минут — и будет ручка для Хвастика. А нам нужна ручка для бабушки.

Вастик остановился. Ручка была как раз. Не толстая, не тонкая. Как бабушкина ладонь. Дедушка сказал, что Вастик остановился вовремя. А вовремя остановиться — это половина любого мастерства. Вторая половина — вовремя начать. С этим у большинства взрослых хуже.

Потом дедушка просверлил в бруске дырку, надел ручку на железную ручку сковородки и закрепил. Вастик закрутил последний винт. Своей жёлтой отвёрткой.

13

Сковородку отнесли бабушке. Через дорогу. Вастик нёс её двумя руками, как торт.

Бабушка посмотрела на ручку. Потрогала её. Повертела. Потом села на табуретку. И долго ничего не говорила.

— Я пятьдесят лет беру её полотенцем, — сказала она наконец. — Пятьдесят лет. Мне и в голову не приходило.

— Это Мураш, — сказал Вастик. — В смысле, дерево. Молчун. Он держит за тебя.

Бабушка не знала, кто такой Мураш. Но она поняла. Бабушки всё понимают, даже когда не понимают.

Она тут же поставила сковородку на плиту — ручкой к стене, как положено. Налила тесто. Испекла первый блин. Взялась за деревянную ручку голой рукой. Перевернула. Никакого «ой». Никакого полотенца.

Первый блин вышел комом. Первый блин всегда выходит комом. Так говорят. Но Вастик съел его с удовольствием. Ком был вкусный.

А второй блин получился круглый и золотой. Как солнце, которое передумало быть зимой.

Я скажу вам одну вещь, которую тогда никто не знал. Эта сковородка проживёт ещё очень долго. Дольше, чем дедушкин термос. Через тридцать лет на ней будет печь блины взрослый Вастик. Для своих детей. И будет брать её за деревянную ручку. Ручка к тому времени потемнеет и станет гладкой, как камушек из реки. А дети спросят: «Папа, почему у сковородки ручка деревянная?» И Вастик скажет: «Садитесь. Это долгая история. Она началась с рубашки».

Но это потом. А тогда был только второй блин. И третий. И Вастик съел их все.

Бабушка кормила их блинами до самого вечера. И всё время трогала деревянную ручку. Просто так. Как гладят кота. Ладонью. Нежно. Вот это и было настоящее «гладить». Вастик теперь знал разницу.

14

Дома Вастик открыл Книгу Почему и написал:

«ПОЧЕМУ У ГОРЯЧЕГО УТЮГА ХОЛОДНАЯ РУЧКА? ПОТОМУ ЧТО ПОДОШВА — ЖЕЛЕЗО (КНОПКА), А РУЧКА — ПЛАСТМАССА (МУРАШ). МЕЖДУ НИМИ ВОЗДУХ — ЛЕНТЯЙ. ТЕПЛО ПЕРЕДАЁТСЯ ПО ОЧЕРЕДИ. ТЕРМОС — ПУСТОТА. УТЮГ — НА ПЯТКУ. ОБЖЁГСЯ — ХОЛОДНАЯ ВОДА, НЕ СМЕТАНА».

Подумал и приписал:

«ДЕЛАТЬ РУЧКИ ИЗ МУРАШЕЙ ДЛЯ ВСЕХ БАБУШЕК».

А на следующей странице:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ОТКУДА В КРАНЕ ВОДА? КТО ЕЁ ТУДА НАЛИВАЕТ?»

Потом он лёг спать. Мама подоткнула ему тепловильник. Внутри тепловильника был воздух. Воздух держал тепло Вастика у Вастика. И никуда его не отпускал.

Так оно и устроено.

Дело о трубах, которые поют по ночам

1

Сыскное бюро «Почему» основали во вторник, в четыре часа дня, в гараже дяди Гены. В шкафу.

Шкаф был старый, дубовый, с зеркалом на дверце. Дядя Гена держал его «на всякий случай». Теперь случай наступил. Шкаф стал кабинетом. Внутри помещались четыре сыщика, если Тюпа выдыхал, а Шуршик ложился на нижнюю полку. Шуршик всё равно туда лёг бы. Он ложится везде.

Бюро основала Кнопка.

Вастик рассказал ей про варенье, про свет, про шоколадку под капустой и про открытку с летающим утюгом. Кнопка выслушала. Потом сказала:

— Это не просто «почему». Это дела. А раз дела — значит, нужно бюро. А раз бюро — значит, нужен начальник.

— А кто будет начальником? — спросил Тюпа.

Кнопка посмотрела на него так, как будто он спросил, кто будет солнцем.

Вот как распределились обязанности. Распределяла Кнопка. Записываю по её приказу.

Начальник бюро — Кнопка. Командует. Подписывает протоколы. Говорит «отставить».

Сыщик-учёный — Вастик. Задаёт вопросы. Проводит опыты. Знает, как всё устроено. Или узнаёт у дедушки.

Эксперт по съедобным уликам — Тюпа. Если уликой является булка, пирожок или варенье, Тюпа проводит экспертизу. Экспертиза, как правило, необратима.

Начальник засад — Шуршик. Засада — это когда сидишь тихо и ждёт преступника. Шуршик умеет сидеть тихо лучше всех на свете. Потому что спит. Ещё у Шуршика карманы. В них хранятся улики. И ещё тысяча вещей, которые пригодятся.

На дверце шкафа Кнопка повесила табличку. Её написал Вастик. Буква «Ч» опять вышла задом наперёд. Кнопка сказала, что так солиднее. Как будто это иностранное бюро.

«СЫСКНОЕ БЮРО «ПОЧЕМУ». СТУЧАТЬ. ЕСЛИ НИКТО НЕ ОТКРЫВАЕТ — ЗНАЧИТ, ЗАСАДА».

2

Первым делом бюро оформило старые дела. Кнопка сказала, что без протокола любое дело — это просто история. А история — это не дело. Это для бабушек.

Вастик записывал под диктовку. Вот эти протоколы. Целиком.

«Дело № 1. О варенье, которое не открывалось. Подозреваемые: банка (обиделась), медведь. Виновный: воздух (обнимал крышку) и папа (ел ночью). Улики: съедены. Наказание папе: есть варенье днём, при всех, с блинами. Дело закрыто. Банка тоже».

«Дело № 2. О погасшем свете. Подозреваемые: светлячок, усталость, гроза. Виновный: порванная ниточка и молния. Кто дал свет: монтёр Света и ещё двое. Им объявлена благодарность. Гусей к Свете не подпускать. Дело закрыто».

«Дело № 3. О шоколадке под капустой. Подозреваемые: бабушка (для витаминов). Виновный: папа (проверка на свежесть). Улики: следы зубов. Приговор вынесла бабушка: «Медведь». Дело закрыто. Папа под наблюдением».

«Дело № 4. Об утюге и треугольнике. Виновный: утюг (лежал на подошве) и папа (думал о трубах). Пострадавшие: рубашка, гордость Бориса Петровича. Дело закрыто».

Кнопка перечитала протоколы и сказала:

— Хм. Папа проходит по трём делам из четырёх.

— Он не плохой, — сказал Вастик. — Он просто инженер.

— Это смягчающее обстоятельство, — согласилась Кнопка. Она не знала, что значит «смягчающее обстоятельство». Но она слышала это по радио. И ей нравилось, как это звучит.

А потом Кнопка сказала:

— Дело номер пять. Совершенно секретно. О Шестерёнкине.

В шкафу стало очень тихо. Даже Шуршик перестал сопеть.

3

Но сначала было другое дело. Оно случилось той же ночью.

В два часа ночи Вастик проснулся. Не от будильника. Не от Пряника, который иногда ходит по нему, как по мосту. Он проснулся от звука.

В стене пели трубы.

«У-у-у-у-у-у…» — пели они. Низко. Протяжно. Сначала тихо, потом громче. Потом в трубах что-то стукнуло — «тук!» — и пение стало выше: «и-и-и-и-и…». А потом снова «у-у-у-у».

Вастик лежал и слушал. Ему было немножко страшно. И очень интересно. Страшно и интересно — это как две половинки одного пирожка. Их почти никогда не бывает по отдельности.

Пряник сидел на подоконнике и смотрел на стену. Уши у него стояли торчком. Он слышал тоже.

Через полчаса трубы замолчали. Вастик уснул. А утром выяснилось, что трубы слышала вся улица.

Бабушка Зина сказала, что это к перемене погоды. Её колено было с ней согласно. Тюпина мама сказала, что это водяной. Тюпа сказал, что водяные не едят пирожков и поэтому ему неинтересны. Аркадий Аркадьевич сказал «кхм» и что он ничего не слышал, потому что крепко спал. Он сказал это слишком быстро.

Вастик это заметил. Сыщики замечают, когда говорят слишком быстро.

За завтраком Вастик спросил папу, откуда вообще в трубах вода. Это было ошибкой. Вастик понял это через одну секунду. Но было поздно.

Папа отложил бутерброд. Глаза у него загорелись. Так загораются глаза у Тюпы при виде булочной.

— Водопровод, — сказал папа, — придумали очень давно. Ещё в Древнем Риме. Римляне строили акведуки. Это такие каменные мосты, по которым бежит вода. Один акведук был длиной девяносто километров. Вода шла по нему сама, под горку, совсем-совсем маленькую горку — на каждый километр всего на ладонь ниже. Римляне считали это без всяких машин! А в Риме было одиннадцать акведуков, и каждый день они приносили в город столько воды, что можно было наполнить… сейчас посчитаю… А ещё в Древнем Египте…

Мама посмотрела на часы.

Папа рассказал про Египет. Про Китай. Про то, как в Средние века воду носили вёдрами, и про то, как в одном городе воду возили в бочке на лошади по имени Кузя. Папа знал, как звали лошадь. Никто не знал, откуда папа это знает. Папа тоже не знал. Это просто было у него в голове. Как у других людей бывает песенка.

Через десять минут мама сказала:

— Так. Вводим правило. Папе на лекцию — три минуты. Как на соревнованиях. Потом — свисток.

И она дала Вастику свисток. Он лежал у неё в кармане фартука. У мамы в кармане фартука лежит всё, что нужно. Свисток, пластырь, верёвочка, конфета, запасная пуговица и бумажка с телефоном доктора. Шуршик однажды заглянул туда и сказал, что это лучший карман, который он видел. А Шуршик разбирается в карманах.

Папа сказал, что за три минуты не успеет даже до Древнего Китая. Мама сказала, что Древний Китай подождёт. Он уже долго ждёт, ещё немножко подождёт.

— Папа, — спросил Вастик, — ты что, ходячая библиотека?

Так однажды сказала про папу бабушка Зина. «Ваш папа — ходячая библиотека». Вастик тогда долго думал, где у папы полки. Он даже проверил папины карманы. Книг не нашёл. Нашёл две гайки, чертёжный карандаш и записку «НЕ ЗАБЫТЬ КЛЮЧИ».

Ключей не было.

Вот так устроен папа. Он знает, как звали лошадь, которая возила воду пятьсот лет назад. Он знает, сколько весит Луна. Он знает, почему небо синее, а закат красный. Но он никогда не знает, где его ключи. Мама говорит, что в папиной голове так много книг, что ключам просто некуда встать.

Ключи нашлись в хлебнице. Никто не знает, как они туда попали. Папа сказал, что это загадка уровня Древнего Рима.

Он открыл Книгу Почему. Там уже был вопрос, записанный неделю назад:

«ОТКУДА В КРАНЕ ВОДА? КТО ЕЁ ТУДА НАЛИВАЕТ?»

Вастик приписал ниже: «И ПОЧЕМУ ОНА ПОЁТ ПО НОЧАМ?»

4

В шкафу собралось бюро. Кнопка открыла заседание. Она постучала по полке карандашом. Карандаш был вместо молотка. Молоток дядя Гена не дал.

— Дело номер пять откладывается, — сказала Кнопка. — Открываем дело номер шесть. О поющих трубах. Подозреваемые?

Подозреваемых назвали четырёх. Вастик записал.

Подозреваемый первый. Пряник. Мотив: ночью ему скучно. Пряник всегда первый подозреваемый. Не потому, что он плохой. А потому, что он всегда рядом с местом преступления. Особенно если это кухня.

— Алиби? — спросила Кнопка.

— Сидел на подоконнике, — сказал Вастик. — Я сам видел. Он слушал трубы. Как и я.

— Свидетель ненадёжный, — сказала Кнопка. — Ты его хозяин. Но пусть пока будет алиби.

Подозреваемый второй. Водяной. Версия Тюпиной мамы. Живёт в трубах, поёт от тоски.

— Водяных не бывает, — сказал Вастик.

— А маленьких человечков, которые живут под лопухом, бывает? — спросил Тюпа.

Вастик промолчал. Это был хороший вопрос. Водяного решили пока не вычёркивать. Но записали мелко.

Подозреваемый третий. Шестерёнкин. Изобретатель. Двести одиннадцать изобретений. Все не работают. А вдруг одно из них поёт по ночам?

Подозреваемый четвёртый. Аркадий Аркадьевич Важнецов. Сказал, что ничего не слышал. Слишком быстро.

— Что предлагает сыщик-учёный? — спросила Кнопка.

— Сначала узнать, как вода попадает в кран, — сказал Вастик. — Если не знаешь, как устроено, не узнаешь, почему поёт.

— Принято, — сказала Кнопка. — А начальник засад организует ночную засаду.

Шуршик на нижней полке сказал «угу». Во сне. Кнопка решила, что это согласие.

5

Дедушка выслушал бюро очень серьёзно. Он даже снял шапку. Потом взял садовую лейку, кусок резинового шланга и воронку.

— Опыт, — сказал он. — Смотрите внимательно. Особенно эксперт по съедобным уликам. Тут ничего съедобного нет, так что смотреть можно спокойно.

Он вставил воронку в один конец шланга. Второй конец шланга поднял вверх. Потом налил воду в воронку.

Вода побежала по шлангу. Вниз. Потом вверх. И поднялась во втором конце ровно до той же высоты, что и в воронке. Ни выше. Ни ниже.

Дедушка поднял воронку повыше. Вода во втором конце тоже поднялась. Опустил — опустилась.

— Вода всегда старается встать вровень, — сказал дедушка. — Если в одном месте её больше и выше, она бежит туда, где ниже. И поднимается, пока не станет ровно. Как будто ей неприятно быть ниже соседей.

— Как Хвастик, — тихо сказал Вастик.

— Это называется «сообщающиеся сосуды», — сказал дедушка.

— Они сообщают друг другу новости? — спросила Кнопка. — Как я?

— Примерно, — сказал дедушка. — Только честнее.

Кнопка обиделась на четыре секунды. Потом решила, что это была тренировка.

6

— А теперь — город, — сказал дедушка. — Видите башню на горе?

Все посмотрели. Из любого места в городе видна башня на горе. Она высокая, круглая, кирпичная, с железной шапкой наверху. Вастик всегда думал, что это маяк. Тюпа думал, что это огромная перечница. Шуршик ничего не думал. Он спал, прислонившись к лейке.

— Это водонапорная башня, — сказал дедушка. — Наверху у неё — огромный бак. Как ведро. Только в нём воды — как в тысяче ванн. Вода из бака бежит вниз по трубам, под землёй, во все дома. И поднимается в кранах. Потому что башня выше домов. Вода хочет встать вровень с той, что в башне. И бежит в ваш кран, как в шланг.

— Значит, когда я открываю кран, — медленно сказал Вастик, — вода бежит ко мне с горы?

— С горы и из башни. Под землёй. Через весь город. Чтобы ты почистил зубы.

Вастик решил, что после такого чистить зубы плохо просто неприлично.

— А бабушка? — вдруг спросил Вастик. — Бабушка живёт на пятом этаже. В высоком доме. И у неё вода течёт тоненько. Она всегда ворчит, что ванна набирается, пока вода в ней остывает.

Дедушка поднял бровь. Одну.

— А ты сам подумай, сыщик.

Вастик подумал. Потом поднял воронку повыше. И ещё выше. Потом подумал про бабушкин пятый этаж. Он высокий. Почти как башня. Почти вровень.

— Вода до бабушки еле доходит, — сказал он. — Потому что бабушка почти такая же высокая, как башня. Воде почти некуда подниматься. Она устаёт!

— Почти так, — сказал дедушка. — Поэтому в высоких домах ставят ещё насосы. Чтобы подтолкнуть воду наверх. А в бабушкином доме насос старый. Ворчит, как бабушка.

Вастик это записал. Потом приписал: «НАДО ДЕДУШКЕ ПОСМОТРЕТЬ БАБУШКИН НАСОС». Дедушка прочитал и сказал, что посмотрит. В субботу. Когда пойдёт на блины.

Вечером про бабушкину воду говорила вся семья. Это было похоже на заседание бюро, только без шкафа.

Папа сразу посчитал. На салфетке. Бабушкин пятый этаж — это пятнадцать метров. Башня на горе — сорок метров, и ещё гора. Значит, разница есть, вода должна доходить. Папа сказал, что дело, значит, в трубах. В старом доме трубы старые. Внутри у них наросло, как накипь в чайнике. Вода протискивается, как электричество по ниточке. Папа рассказал, что в старых трубах бывает столько накипи, что внутри остаётся дырочка с карандаш. И что в одном городе в старой трубе нашли сома. Живого. Он там жил. Двенадцать лет. Никто не знает, откуда папа это знает.

— Свисток, — сказала мама.

Вастик свистнул. Папа замолчал на полуслове. Сом так и остался в трубе.

Дедушка сказал, что посмотрит насос. И почистит фильтр на входе в квартиру. Там, наверное, песок.

А мама подумала и сказала:

— А когда в башне больше всего воды?

— Утром, — сказал дедушка. — Рано. Насосы долили её ночью. Бак полный. И никто ещё не проснулся, никто не берёт.

— Значит, — сказала мама, — бабушке надо набирать ванну рано утром. Пока все спят. Тогда вода дойдёт до пятого этажа быстрее всего.

Все посмотрели на маму. Папа открыл рот. Закрыл. Посчитал что-то на салфетке. Кивнул.

— А она проснётся? — спросил Вастик.

— Бабушки встают в пять, — сказала мама. — Всегда. Это у них устройство такое. Им будильник не нужен. Они сами себе будильник.

Так и сделали. На следующее утро бабушка набрала ванну в пять утра. Ванна наполнилась за десять минут. Раньше — за сорок. Бабушка позвонила по говорилке и сказала: «Вот это я понимаю — наука. Не то что ваши акведуки». Мама сказала, что это сообщающиеся сосуды. Бабушка сказала, что ей всё равно, как это называется. Ванна полная — значит, правильно. Бабушка вообще считает, что всякая теория должна заканчиваться полной ванной, горячим супом или пришитой пуговицей. А если не заканчивается — это не теория, а разговоры.

Папа потом сказал Вастику по секрету:

— Я знаю, сколько воды приносили одиннадцать римских акведуков. А мама знает, когда бабушке набирать ванну. Её знание полезнее.

— А можно знать и то, и другое? — спросил Вастик.

— Можно, — сказал папа. — Для этого и нужна семья.

7

— А в башню вода откуда? — спросил Тюпа. Это был первый вопрос Тюпы в истории бюро, не связанный с едой. Кнопка записала его в протокол отдельно. Как событие.

— Из реки, — сказал дедушка. — Её сначала чистят. Пропускают через песок, через уголь, через много сит. Вода выходит прозрачной. Потом большие насосы закачивают её наверх. В бак. И насосы эти работают в основном ночью.

— Почему ночью? — спросил Вастик.

— Потому что днём все пьют, моются, стирают, поливают огороды. Вода из бака убегает. А ночью все спят. Никто воду не берёт. Тогда насосы спокойно доливают бак доверху. К утру он полный. Как ведро у хорошей хозяйки.

Вастик замер.

— Ночью, — сказал он. — Насосы работают ночью. Вода бежит в башню. По трубам. Ночью.

Кнопка тоже замерла. Тюпа замер с пирожком у рта. Даже Шуршик приоткрыл один глаз.

— Во сколько? — спросила Кнопка голосом начальника.

— Обычно с полуночи, — сказал дедушка. — А включаются большие насосы около двух.

В два часа ночи пели трубы.

Кнопка встала. Стукнулась головой о полку шкафа, потому что они уже вернулись в бюро. Потёрла голову. И сказала:

— Версию принять. Но проверить. Засада сегодня ночью. В час пятьдесят. Всем быть.

— Ночью дети спят, — сказал дедушка.

— Засада будет из окон, — сказала Кнопка. — Каждый — из своего. По сигналу фонариком.

Дедушка подумал и разрешил. Он сказал, что в его время тоже были засады из окон. И что это одно из лучших воспоминаний его детства. Особенно та часть, где он проспал.

8

Теперь про воду и правила. Дедушка сказал их по дороге домой. Коротко.

Из речки, пруда, лужи и колодца, про который не знаешь, воду не пьют. Даже если она прозрачная. В ней могут жить маленькие существа, которых не видно. Не лопуховские, а вредные. Их видно только в микроскоп. Если очень хочется пить — терпят до дома. Или кипятят. Взрослые.

Кран с горячей водой открывают осторожно. Сначала холодную, потом горячую. Горячая вода из крана бывает такой горячей, что обжигает. Мы уже знаем, что делать при ожоге. Но лучше не знать на практике.

Воду в кране не оставляют бежать зря. Её чистили, качали, поднимали на гору. Ради тебя. Невежливо её просто выливать.

Вода и электричество — не дружат. Мокрыми руками к розетке не подходят. Это мы уже знаем. Это вообще стоит знать два раза.

На улице бывают люки. Это круглые железные крышки на дороге. Под ними трубы. Если люк открыт — к нему не подходят. Не заглядывают. Не бросают туда камушки, чтобы послушать, как глубоко. Это глубоко. Просто поверьте.

— А в люк вода тоже с горы бежит? — спросил Тюпа.

— В люк бежит другая вода, — сказал дедушка. — Та, что уходит. Про неё — в другой раз. Это отдельная история. Не для перед обедом.

9

Оставалась одна трудность. Как проснуться в час пятьдесят? Будильника у Вастика не было. А если поставить папин будильник, проснётся весь дом. И Пряник. А Пряник, когда его будят, мстит. Медленно. Неделю.

Мама сказала:

— Выпей перед сном два стакана воды.

— Зачем?

— Увидишь. Природный будильник. Безотказный. Работает у всех детей на свете.

Вастик выпил два стакана. Лёг. Уснул. И в час сорок пять проснулся. Ровно. Потому что очень-очень захотелось в туалет.

Он сходил, вернулся и сел у окна. С уважением подумал о маме. Мама не инженер. Мама не ходячая библиотека. Но мама знает, как устроены дети. Это, может быть, самое сложное устройство на свете.

В час пятьдесят ночи на улице горели четыре окна. Ну, три. В четвёртом окне был Шуршик. Он сидел в засаде. С закрытыми глазами. Начальник засад показывал, как надо.

Вастик сидел у окна в пижаме и в шапке. Шапку он надел для солидности. Рядом сидел Пряник. У Пряника была своя засада. Он не говорил, на кого.

Из окна напротив мигнул фонарик. Три раза. Это Кнопка. Это значило «всем внимание».

Вастик мигнул в ответ. Два раза. Это значило «вижу». Или «сплю». Они так и не договорились, что значит «два раза».

И тут Вастик увидел ещё одно окно. На первом этаже дома Аркадия Аркадьевича. Окно горело. Тёплым, жёлтым светом.

Вастик взял дедушкин бинокль. Он одолжил его для засады. Посмотрел.

В окне был Аркадий Аркадьевич. В полосатой пижаме. В ночном колпаке. Он сидел на полу. А вокруг него по всей комнате бежали рельсы. Маленькие. Игрушечные. С мостиками, станциями, семафорами и крошечными деревьями. А по рельсам ехал маленький паровоз. С дымком. С гудком.

Аркадий Аркадьевич держал в руке маленькую жёлтую фуражку машиниста. И улыбался. Вастик никогда не видел, чтобы Аркадий Аркадьевич так улыбался. Он не сказал «кхм» ни разу. Вастик это видел даже без звука.

— Вот почему он сказал «слишком быстро», — прошептал Вастик Прянику. — Он не спит по ночам. Он машинист.

Пряник посмотрел в бинокль, который ему не давали. И мигнул. Два раза.

10

Ровно в два часа ночи в стене запели трубы.

«У-у-у-у-у…»

А за окном, далеко на горе, у башни, зажглись два маленьких огонька. На насосной станции. Вастик видел их. Огоньки зажглись — и трубы запели. Сразу. Как будто кто-то нажал одну кнопку на весь город.

«Тук!» — стукнуло в трубах. «И-и-и-и…»

Из окна напротив Кнопка замигала фонариком как сумасшедшая. Десять раз. Пятнадцать. Так они тоже не договаривались. Но было понятно. Это значило: «РАСКРЫТО!»

Вастик мигнул один раз. Это значило «спокойной ночи». Про один раз они договорились точно.

И тут случилось ещё одно. На самом конце улицы, в последнем доме, в доме с флюгером-чайником, на чердаке, тоже мигнул свет. Три раза. Медленно. Как будто кто-то тоже сидел в засаде. И тоже ждал двух часов.

А флюгер-чайник на крыше повернулся. Против ветра.

Вастик протёр глаза. Посмотрел снова. Чердак был тёмный. Флюгер стоял как стоял.

Вастик записал в Книгу Почему, в темноте, наощупь: «ДЕЛО № 5. ЧАЙНИК КРУТИТСЯ ПРОТИВ ВЕТРА. ЧЕРДАК МИГАЕТ ТРИ РАЗА. ПОЧЕМУ?». Утром он с трудом это прочитал. Буквы налезали друг на друга, как Тюпа на последний пирожок.

11

Утром бюро собралось в шкафу. Кнопка открыла заседание. Она не выспалась и была очень строгая.

— Дело номер шесть. Докладывает сыщик-учёный.

Вастик доложил. Про башню. Про насосы, которые ночью доливают бак. Про огоньки на горе. Про то, что вода бежит по трубам с такой силой, что трубы гудят. А когда где-то в трубе есть пузырь воздуха, он стучит — «тук!» — и трубы поют выше.

— Это не водяной, — сказал Вастик. — Это вода едет домой. На гору. Наполнять башню. Чтобы утром всем хватило умыться.

— А Пряник? — спросила Кнопка.

— Оправдан. Алиби подтверждено. Он сидел со мной в засаде.

— А Шестерёнкин?

Вастик помолчал.

— По делу номер шесть — оправдан. Но по делу номер пять… у меня есть новые улики.

Он рассказал про чердак и про флюгер. Кнопка выслушала. Тюпа перестал жевать. Шуршик открыл глаза. Оба.

— А Аркадий Аркадьевич? — спросил Тюпа. — Он же сказал «слишком быстро».

И тут Вастик сделал то, что делают хорошие сыщики. И хорошие люди. Иногда это одни и те же люди.

— Аркадий Аркадьевич не виноват, — сказал он. — У него просто… своя тайна. Она никому не мешает. Она добрая. Я её видел. И я её никому не скажу.

Кнопка посмотрела на него долго. Потом сказала:

— Принято. В протокол не вносить. Это… смягчающее обстоятельство.

Она по-прежнему не знала, что это значит. Но на этот раз сказала очень правильно.

12

Через три дня Аркадий Аркадьевич встретил Вастика у калитки.

— Кхм, — сказал он. — Мне сказали, что ты… проводил ночную засаду.

Вастик сказал, что проводил. Что бюро «Почему» раскрыло дело о поющих трубах. И что виноваты насосы.

— А больше ты ничего… не видел? — спросил Аркадий Аркадьевич. И стал смотреть на свою лужу. Он всегда смотрит на лужу, когда волнуется.

— Видел, — сказал Вастик. — Паровоз. Очень красивый. С дымком.

Аркадий Аркадьевич покраснел. Сначала шея. Потом уши. Потом весь. Потом он сказал, очень тихо:

— Ты кому-нибудь…

— Нет, — сказал Вастик. — Это смягчающее обстоятельство.

Аркадий Аркадьевич долго молчал. Потом снял шляпу. Он никогда раньше не снимал шляпу перед Вастиком. И сказал:

— Приходи как-нибудь. Посмотреть. В субботу. Днём. Можешь взять бюро. Только… кхм… тихо.

Я скажу вам одну вещь. Тогда её никто не знал. Через пять лет железная дорога Аркадия Аркадьевича займёт три комнаты. Через десять — её покажут в городском музее. На табличке будет написано: «Железная дорога А. А. Важнецова. Начальник станции — бюро «Почему»». Аркадий Аркадьевич будет стоять рядом. В жёлтой фуражке. И ни разу не скажет «кхм».

Но это потом. А тогда он просто надел шляпу, сказал «кхм» и пошёл домой. И наступил в лужу. Как всегда. Но улыбался.

13

Вечером в стене сказало «чпок». Пришла пневмопочта.

В капсуле была открытка. На ней был нарисован кран. Из крана текли по очереди: суп, компот, какао и что-то зелёное. Под краном стоял довольный мальчик с кружкой.

На обороте острым почерком было написано:

«Мальчику, который сидит в засадах. Изобретение № 212. Кран, из которого течёт то, что нужно. Суп — по понедельникам. Компот — по пятницам. Зелёное — по средам, для

здоровья. Не работает. Течёт только вода. Зато чистая. И с горы. Поздравляю с раскрытием. Е. Шестерёнкин».

Вастик перечитал открытку три раза. Потом взял лупу. В правом нижнем углу открытки была нарисована крошечная шестерёнка. С зубчиками. Вастик посчитал зубчики. Их было тридцать.

— Он знает про засаду, — сказал Вастик Прянику. — Откуда?

Пряник не ответил. Он смотрел в окно. На конец улицы. На дом с флюгером-чайником.

Вастик положил открытку рядом с первой. Рядом с жёлтой отвёрткой и фарфоровым изолятором от Светы. Полка понемногу становилась похожа на стену в кабинете сыщика. Не хватало только верёвочек, которые соединяют улики. Вастик решил, что попросит у Шуршика. У Шуршика точно есть верёвочки. На всякий случай.

14

Перед сном Вастик открыл Книгу Почему и написал:

«ОТКУДА В КРАНЕ ВОДА? ИЗ РЕКИ. ЕЁ ЧИСТЯТ ПЕСКОМ. НАСОСЫ НОЧЬЮ КАЧАЮТ ЕЁ В БАШНЮ НА ГОРЕ. ИЗ БАШНИ ОНА БЕЖИТ ВНИЗ И ПОДНИМАЕТСЯ В КРАН, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЛЮБИТ БЫТЬ НИЖЕ СОСЕДЕЙ. ТРУБЫ ПОЮТ, КОГДА ВОДА ЕДЕТ ДОМОЙ. ВОДЯНОГО НЕТ. НАВЕРНОЕ».

Ниже: «ДЕЛО № 6 — ЗАКРЫТО. ДЕЛО № 5 — ОТКРЫТО. 30 ЗУБЧИКОВ. ЧАЙНИК ПРОТИВ ВЕТРА. ЧЕРДАК — 3 РАЗА».

И на следующей странице: «ЗАВТРА УЗНАТЬ: А КУДА ВОДА УХОДИТ? ДЕДУШКА СКАЗАЛ — НЕ ДЛЯ ПЕРЕД ОБЕДОМ».

Потом он выключил свет. Электричество встало на берегу и стало ждать утра.

В два часа ночи в стене тихонько запели трубы. Вастик не проснулся. Он только улыбнулся во сне. Он знал, кто поёт. Это вода ехала домой, на гору. Чтобы утром всем хватило.

Так оно и устроено.

Дело о кольце, которое кануло в воду

1

Сначала я должен предупредить. Этот рассказ — про то, куда уходит вода. Вся вода. Из раковины, из ванны и… из того места, о котором за столом не говорят.

Дедушка сказал, что эта история — не для перед обедом. Поэтому, если вы сейчас обедаете, отложите книжку. Доешьте суп. Помойте тарелку. Вода от тарелки как раз и уйдёт туда, о чём этот рассказ. Так что вы даже поможете.

Готовы? Хорошо.

Всё началось с мамы. В четверг вечером мама мыла посуду. Она всегда снимает кольцо, когда моет посуду. Кладёт его на полочку над раковиной. А в этот раз не сняла. Задумалась. Мама думала о том, что у Вастика опять порвались штаны на коленке. Это четвёртые штаны за осень. Мама считала, сколько это будет в год. Получалось много.

И кольцо соскользнуло с мокрого пальца. Звякнуло о раковину. Подпрыгнуло. И исчезло в сливе.

«Бульк», — сказал слив.

Это было мамино обручальное кольцо. Его надел ей на палец папа. Двенадцать лет назад. Мама с тех пор снимала его только для посуды и для теста.

Мама замерла. Потом сказала очень громко и очень быстро:

— Никто! Не включает! Воду!

Это была первая находчивость мамы в этом деле. Но не последняя.

2

На крик прибежали все. Папа с газетой. Вастик с Книгой Почему. Пряник — потому что крик был на кухне, а кухня — его территория. Ватрушка не прибежала. Ватрушка прибегает только на слово «сметана».

— Кольцо, — сказала мама. — В слив.

Папа побледнел. Сначала уши. Потом остальное. Папа краснеет по частям, а бледнеет, оказывается, тоже по частям.

— Ну всё, — сказал папа. — Как в воду кануло.

Вастик посмотрел на слив. Потом на папу.

— Как в воду кануло — это значит, пропало навсегда? — спросил он.

— Так говорят, — сказала мама. — Значит: исчезло без следа.

— А кануло — это от слова «канал»? — спросил Вастик. — Или от «канализация»?

Все задумались. Даже мама. Папа открыл рот, чтобы рассказать, откуда слово «канул». Он знал. Он всегда знает. Но мама посмотрела на него. И папа рот закрыл. Свистка поблизости не было, но мамин взгляд работает не хуже.

А Вастик в это время уже достал Книгу Почему. И написал на чистой странице:

«ДЕЛО № 7. О КОЛЬЦЕ, КОТОРОЕ КАНУЛО. ПОСТРАДАВШАЯ: МАМА. ВРЕМЯ: ЧЕТВЕРГ, ПОСЛЕ УЖИНА. МЕСТО: СЛИВ. ВОПРОС: КУДА УХОДИТ ВОДА? И ВСЁ, ЧТО В НЕЙ».

Он подчеркнул «ВСЁ» два раза.

3

Через десять минут на кухне было всё бюро. Кнопка пришла с карандашом. Тюпа — с бутербродом. Шуршик — с одеялом, потому что было уже почти девять, а в девять Шуршик ложится. Где бы он ни был.

Кнопка осмотрела место происшествия. Заглянула в слив. Сказала:

— Ясно. Преступник спрятал концы в воду.

— Какой преступник? — спросила мама.

— Это так говорят, — сказала Кнопка. — По радио. Когда спрятали улики.

— Тогда концы в воде, — сказал Вастик. — В канализации. Значит, их надо там и искать.

Тюпа посмотрел на слив с огромным сомнением. И откусил бутерброд. На всякий случай. Пока ещё хочется.

Все заговорили сразу. Кнопка — про улики. Папа — про то, что надо вызвать мастера. Тюпа — про то, что кольцо, может быть, уже в море. Пряник — ничего, но очень громко смотрел.

Мама подняла руку. Все замолчали. У мамы такая рука. Её поднимают редко, но слушаются сразу.

— Так, — сказала мама. — Без паники. Цель у нас одна: вернуть кольцо. Одна. Всё остальное — задачи. Ступеньки к цели. Давайте их запишем. Вастик, пиши.

Вастик открыл Книгу Почему на новой странице. И записал под мамину диктовку. Это был первый раз, когда он писал так. Потом он будет писать так всю жизнь.

«ЦЕЛЬ: ВЕРНУТЬ МАМИНО КОЛЬЦО».

«ЗАДАЧИ:

1. Не включать воду. Чтобы кольцо не уплыло дальше.
2. Узнать, куда оно могло деться. Как устроено под раковиной.
3. Достать.
4. Сделать так, чтобы больше не терялось».

— Первая задача решена, — сказала мама. — Воду никто не включал. Ставь галочку.

Вастик поставил галочку. Это было очень приятно. Галочка — это маленькая победа. Её можно поставить даже тогда, когда до большой победы ещё далеко.

— Вторая — твоя, — сказала мама папе. — Ты у нас знаешь, как всё устроено.

Папа приободрился. Папе нечасто достаются задачи, где нужна теория. Обычно ему достаются задачи, где нужно найти ключи.

И тут пришла бабушка. С кастрюлей супа. Она всегда приходит с кастрюлей. Даже когда её не ждут. Особенно когда её не ждут.

Бабушка выслушала всё. Посмотрела на папу. Папа уже держал в руках энциклопедию. Толстую. Том на букву «К». Канализация.

— Так, — сказала бабушка. — Теоретик. Положи книжку.

4

Здесь нужно сказать несколько слов о бабушке.

Бабушке семьдесят четыре года. Она папина мама. Сорок лет она проработала в одной конторе. Как называлась контора — никто не знает. Чем там занималась бабушка — тоже никто не знает. Даже папа. Даже бабушка Зина с биноклем. Бабушка говорит: «Работала. С бумагами». И улыбается. Если спросить «С какими?», она отвечает: «С важными». И наливает чай. После этого разговор как-то сам собой заканчивается. Бабушка это умеет.

Зато бабушка иногда знает такое, чего не знает никто. Она по звуку мотора говорит, какая машина едет по улице и что у неё сломалось. Она завязывает узлы, которые никто, кроме неё, не может развязать. Она за минуту находит в доме любую потерянную вещь — кроме папиных ключей; папины ключи, говорит она, вне её полномочий. Однажды она посмотрела на следы на снегу у соседской калитки и сказала, что к соседям приходил гость: высокий, хромает на левую ногу, пришёл с тортом и ушёл без торта. Так и оказалось. Торт был «Наполеон».

Папа знает всё из книг. А бабушка — неизвестно откуда. Это не из книг. В книгах такого нет. Папа проверял. Целую неделю.

Я скажу вам одну вещь. Вастик потом всю жизнь будет пытаться узнать, где работала бабушка. Он вырастет умным и очень настойчивым. И не узнает. Никто не узнает. Это единственное дело, которое бюро «Почему» не раскроет никогда. И бабушка будет этим очень довольна.

Бабушка очень любит своего сына. Но она считает, что он слишком много читает и слишком мало чинит.

— Теоретики! — говорит бабушка. — Им бы только почитать. А кран течёт.

У бабушки есть правило. Всякая теория должна заканчиваться полной ванной, горячим супом или пришитой пуговицей. Если не заканчивается — это не теория. Это разговоры. А разговоры, говорит бабушка, в кастрюлю не положишь.

Бабушка не любит слово «теоретически». Если папа говорит «теоретически это должно работать», бабушка говорит: «А практически?». Папа обычно не знает, что ответить. Потому что практически оно обычно не работает. Это бабушка тоже знает. Она знает это шестьдесят лет. С тех пор как её муж, папин папа, теоретически починил ей утюг.

— А теперь скажи мне, — сказала бабушка папе, — что там под раковиной.

Папа сказал, что не знает. Он сказал, что знает, как устроена канализация в Древнем Риме. Что у римлян была главная канализационная труба — Клоака Максима. Что она работает до сих пор, две с половиной тысячи лет. И что у римлян была даже богиня канализации. Её звали Клоакина. Ей молились, чтобы трубы не засорялись.

Бабушка выслушала это. Потом сказала:

— Богиня. Мне бы гаечный ключ, а не богиню.

И полезла под раковину сама.

5

Под раковиной всё оказалось гораздо интереснее, чем ведро для мусора и бутылка с моющим средством. Хотя они там тоже были.

От слива вниз шла труба. А потом она делала крюк. Изгибалась вниз, как буква «U», и снова поднималась. И только после этого уходила в стену.

— Это колено, — сказала бабушка. — Сифон. Сюда падает всё, что тяжёлое. Ложки. Пуговицы. Кольца. Если кольцо не убежало — оно тут. Тяжёлое на дно ложится. Как в супе.

— Почему труба кривая? — спросил Вастик. — Прямая же проще.

Папа открыл рот. Бабушка посмотрела на него из-под раковины.

— Говори, — разрешила она. — Но коротко. И подай таз.

Папа подал таз. Потом сказал коротко. Почти коротко.

— В этом изгибе всегда стоит вода, — сказал папа. — Немножко. Как в шланге у дедушки, помнишь? Сообщающиеся сосуды. Вода стоит в колене и закрывает трубу. Как пробка. Как дверь. А за дверью, в больших трубах, где уходит вся вода, пахнет… ну… пахнет так, что лучше не знать. И эта водяная дверь не пускает запах к нам на кухню. Её придумал часовщик. Двести пятьдесят лет назад. Его звали Александр Камминг. Он чинил часы, а потом подумал…

— Часовщик? — дедушка поднял голову. Он только что вошёл. Он всегда входит, когда говорят про часы. — Наш человек.

— Хватит, — сказала бабушка. — Часовщики потом. Таз держите.

6

Бабушка открутила колено. Руками. Без ключа. Где бабушка научилась так откручивать гайки — неизвестно. Спрашивать бесполезно. Она скажет: «С бумагами работала». Гайки её слушаются.

Из колена в таз вылилась вода. Мутная. И выпало вот что. Я перечислю, потому что Кнопка внесла это в протокол. По порядку.

Пуговица. Серая. От папиного пиджака. Папа искал её с весны.

Две горошины. Варёные.

Резинка для волос. Мамина. Мама сказала «ага».

Маленький гвоздик. Неизвестно чей. Вастик посмотрел на папу. Папа посмотрел в окно.

Колпачок от ручки.

И кольцо.

Золотое. Целое. Блестящее. Лежит в тазу, в мутной воде, среди горошин и пуговиц. Как принцесса, которая случайно попала на вокзал.

Мама взяла его. Вымыла. Надела. Подержала руку на свету. И обняла бабушку. Прямо так — бабушка ещё сидела на полу у раковины.

— Вот, — сказала бабушка. — Практика.

— Клоакина помогла, — сказал папа тихо.

— Клоакина, — сказала бабушка, — сидит в Риме. А я сижу у вас под раковиной. Сделай выводы, теоретик.

Вастик поставил в Книге Почему ещё две галочки. Вторая задача — папа объяснил про колено, и это оказалось правдой. Третья — бабушка достала.

— Видишь, — сказал папа бабушке. — Без теории ты бы не знала, что оно в колене.

— Я это знала в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, — сказала бабушка. — Но ладно. Пусть твоя теория будет задачей номер два. Раз уж она к цели вела. Теория, которая ведёт к цели, — это ещё ничего. Это почти практика.

Это был самый большой комплимент, который бабушка сделала папе за последние десять лет. Папа это понял. И весь вечер ходил гордый. Как Пряник с перчаткой на голове.

Но было видно, что она очень довольна. И папа был доволен. Потому что мама была довольна. А когда мама довольна, в доме довольны все. Даже трубы. Это закон природы. Его ещё никто не записал в энциклопедию. А зря.

7

Кнопка оформила протокол. Вастик записал под диктовку:

«Дело № 7. О кольце. Найдено в колене. Нашла бабушка. Руками. Без богини. Вместе с кольцом найдены: пуговица папы (с весны), резинка мамы, две горошины (виновный не установлен), гвоздик (виновный установлен, но промолчим), колпачок. Вывод: всё тяжёлое ложится на дно, как в супе. Дело закрыто. Слив — под наблюдением».

— Горошины — это я, — тихо сказал Тюпа. — В прошлый раз. Когда мыл тарелку. Я их уронил. Я хотел их съесть. Но они убежали.

Кнопка внесла в протокол: «Виновный в горошинах — эксперт по съедобным уликам. Чистосердечное признание. Смягчающее обстоятельство».

Тюпа был очень горд. Его впервые внесли в протокол как виновного. Это почти как в газету.

— А дальше? — спросил Вастик. — Куда вода уходит из колена? В стену. А из стены?

Бабушка встала с пола. Отряхнула колени. Посмотрела на дедушку.

— Вот это пусть объясняет практик, — сказала она. — Дед, объясни. Только без Рима.

— Объясню, — сказал дедушка. — Завтра. А сегодня — одну вещь. Вастик, ты заметил, как бабушка нашла кольцо?

— Руками, — сказал Вастик.

— Руками — это потом. А сначала — головой. Она ведь не стала искать кольцо по всему городу. Не побежала к реке. Не полезла в люк. Она начала с большого правила. С такого, которое работает везде. «Тяжёлое ложится на дно». В супе. В реке. В луже. В стакане с компотом, где ягоды внизу. Везде.

— А потом?

— А потом она спросила: а где дно у нашей трубы? Где самое низкое место? В колене. Значит, кольцо — там. Вот и всё. От большого правила — к маленькому делу. Сверху вниз.

Вастик подумал.

— Как вода из башни, — сказал он. — Сверху вниз. Из большого бака — в маленький кран.

— Как вода из башни, — согласился дедушка.

— Тогда это будет называться «метод башни», — сказал Вастик. — Сначала найти большое правило. Потом спросить: а что оно говорит про мой маленький случай?

Дедушка сказал, что лучше названия не придумаешь. И что большое правило — оно как зонтик. Под ним помещается очень много маленьких случаев. Суп, река, компот, кольцо. Если знаешь зонтик — не промокнешь ни в одном из них.

В тот же вечер Вастик завёл в конце Книги Почему отдельную страницу. Он озаглавил её большими буквами. И записал туда все большие правила, которые уже знал. Вот она, эта страница. Вы её уже видели по частям.

«ЗАКОНЫ БЮРО «ПОЧЕМУ».

Закон первый. Всё на свете как-то устроено. Даже Пряник.

Закон второй. Если не получается — не хватай сильнее. Сначала спроси: почему.

Закон третий. Всё хорошее бегает по кругу. Электричество, вода, Пряник вокруг миски.

Закон четвёртый. Тепло уходит туда, где его мало. Как гость с пирожками.

Закон пятый. Вода не любит быть ниже соседей.

Закон шестой. Тяжёлое ложится на дно».

Кнопка прочитала законы и сказала, что их нужно повесить в бюро. На дверцу шкафа. С обратной стороны. Чтобы видели только свои. Законы — это секретное оружие сыщика. Тюпа спросил, будет ли закон про пирожки. Вастик сказал, что, когда он поймёт, как устроены пирожки, — обязательно будет.

8

Дедушка объяснял на следующий день. В мастерской. Он нарисовал дом в разрезе. Дедушка рисует хуже папы, но понятнее. Это мы уже знаем.

Из каждой раковины, ванны и… того места… вода уходит в трубу. Трубы спускаются вниз. Все трубы в доме собираются в одну большую. Толстую. Она идёт вниз, в подвал, и дальше — под землю. На улицу.

— Обрати внимание, — сказал дедушка. — Труба, которая приносит воду, тонкая. И вода в ней бежит вверх, с горы, из башни. А труба, которая уносит, — толстая. И вода в ней бежит только вниз. Сама. Под горку. Насоса там почти нет. Она течёт, как ручей. Просто падает.

— Как будто вода сначала поднимается к нам в гости, а потом скатывается домой, — сказал Вастик.

— Именно, — сказал дедушка. — Поэтому все трубы, которые уносят, кладут с наклоном. Чуть-чуть. Чтобы вода не стояла. Если наклона нет — вода стоит, и в трубе получается болото.

Потом под улицей все трубы со всех домов собираются в огромные трубы. В них можно идти в полный рост. Там темно и шумно. И пахнет. Над этими трубами — люки. Мы помним про люки. К открытым не подходим.

Потом вся эта вода приходит на большую станцию за городом. Там её чистят.

— Её чистят? — удивился Вастик. — Её же уже… ну… использовали.

— Поэтому и чистят, — сказал дедушка. — Её нельзя просто вылить в реку. Река заболеет. Рыбы уплывут. Нам не из чего будет пить. Поэтому её сначала отстаивают в огромных бассейнах. Тяжёлое ложится на дно. Как кольцо в колене. Как горошины Тюпы. А потом…

Дедушка сделал паузу. Как фокусник. Как Борис Петрович перед монеткой.

— А потом её отдают на съедение.

— Кому?! — спросил Вастик.

— Микробам. Таким маленьким, что их видно только в микроскоп. Их там миллиарды. Они едят грязь. Это их обед. Они его очень любят. Это, наверное, единственные существа на свете, которые просят: «Добавки! Погрязнее!». Они съедают грязь, и вода становится чистой. И тогда её отпускают в реку. А из реки её снова берут, чистят, качают в башню — и она снова приходит к тебе в кран.

— По кругу! — сказал Вастик.

— По кругу, — сказал дедушка. — Всё хорошее бегает по кругу. Мы это уже знаем.

Вастик долго молчал. Потом сказал:

— Получается, вода, которую я пью, когда-то была в чьей-то ванне?

— Получается, — сказал дедушка. — И, может быть, в ванне динозавра. Вода на Земле очень старая. Её никто не делает новую. Её просто очень хорошо моют. Каждый раз.

Вастик решил, что никому не будет это рассказывать перед обедом. Только после.

9

Теперь правила. Их сказала мама. Она сказала их, как всегда, коротко и практично. Бабушка одобрительно кивала. Мама — единственный человек, которого бабушка ни разу не назвала теоретиком.

В унитаз не бросают ничего, кроме того, для чего он сделан. Ни игрушки, ни тряпки, ни бумажные полотенца, ни остатки каши. Каша — особенно. Каша в трубах ведёт себя как клей. Тюпа спросил, можно ли туда бросать горошины. Мама сказала, что горошины надо есть. Тюпа сказал, что он так и делает. Обычно.

В раковину не выливают жир. Жир кажется жидким, пока горячий. А в холодной трубе он застывает. Как свечка.

Тут мама провела опыт. Прямо на кухне. Без всякой мастерской. Она налила в стакан немножко горячего жира от котлет. Поставила стакан в холодильник. Через час жир стал белым и твёрдым. Его можно было резать ножом.

— Вот это, — сказала мама, — будет у вас в трубе. Каждый раз, когда кто-то выльет жир в раковину. Слой за слоем. Как кольца у дерева.

Дедушка сказал, что это лучший опыт, который он видел за неделю. Бабушка сказала, что это не опыт, а здравый смысл. Но тоже кивнула.

Руки моют с мылом. Каждый раз после туалета. И перед едой. Тем самым микробам, которые хорошие на станции, не место на твоём бутерброде. Мыло их смывает. Они уходят по трубе туда, где их ждёт работа.

Если что-то упало в слив — сразу закрывают воду. И зовут взрослого. Тяжёлое ждёт в колене. Колено — это как камера хранения. Только мокрая.

А четвёртую задачу — «чтобы больше не терялось» — мама решила очень просто. Она взяла маленькое ситечко от заварочного чайника и положила его в слив. Вода проходит. Кольцо — нет. Горошины — нет. Пуговицы — нет.

— И всё? — спросил папа. — Я думал, нужно будет что-то изобретать.

— Изобретать нужно, когда ничего нет, — сказала мама. — А когда есть ситечко — нужно ситечко.

Вастик поставил четвёртую галочку. Цель достигнута. Все задачи решены. Страница в Книге Почему выглядела как маленькая лестница. Наверху стояло кольцо.

10

В субботу бабушка пошла чинить свою раковину. Раковина у неё засорилась ещё в среду. Бабушка не говорила никому. Она считала, что сама справится. Она всегда считает, что сама справится. И обычно справляется. Самсам из Лопухова в сравнении с бабушкой — просто любитель.

Папа пошёл с ней. Он взял энциклопедию. И ещё одну книгу. «Справочник сантехника». Тысяча двести страниц.

Вастик пошёл тоже. Он был сыщиком. А засор — это тоже дело.

Бабушкина кухня была маленькая и чистая. Вода в раковине стояла. Не уходила. Бабушка сказала:

— Ну, теоретик. Давай.

Папа открыл справочник. Нашёл главу «Засоры». Начал читать вслух. Про виды засоров. Про жировые, механические, органические. Про историю. Про то, что в Древнем Риме…

Пока папа дошёл до третьей страницы, бабушка достала из-под раковины вантуз. Резиновый, красный, на деревянной ручке. Как огромная присоска. Как шляпа на палке. Она поставила его на слив. Нажала. Потянула. Нажала. Потянула.

«Чвак», — сказал вантуз. «Чвак. Чвак. Хлюп».

И вода ушла. С громким бульканьем. Как будто раковина сказала «наконец-то».

Папа поднял голову от справочника.

— Я как раз дошёл до вантуза, — сказал он. — Страница четыреста двенадцать.

— А я дошла до него в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, — сказала бабушка. — Без страницы.

Вастик засмеялся так, что ему пришлось сесть на табуретку.

— Вантуз, — сказал папа, не сдаваясь, — работает на разнице давлений. Когда ты нажимаешь, ты толкаешь воду вниз. А когда тянешь — делаешь в трубе пустоту. И засор…

— Работает, — сказала бабушка. — Вот как он работает. Работает — и всё.

Но потом, когда папа ушёл мыть руки, бабушка тихо сказала Вастику:

— Он хороший. Он с трёх лет читал всё, что видел. Даже этикетки на банках. Однажды прочитал на банке со сгущёнкой «Хранить при температуре от нуля до десяти» и неделю мерил градусником всю кухню. Я тогда подумала: из него выйдет профессор. А вышел инженер. Тоже ничего. Только ключи теряет.

— А ты почему его ругаешь? — спросил Вастик.

Бабушка подумала.

— Чтобы не зазнавался, — сказала она. — Книжки — это хорошо. Но кто-то же должен напоминать, что вода уходит не от того, что про неё прочитали.

Я скажу вам одну вещь. Тогда её никто не знал. Бабушка проживёт до ста лет. И ни разу в жизни не вызовет сантехника. А папа на её столетие подарит ей книгу. Он сам её напишет. Она будет называться «Всё, чему меня научила мама. Практически». Там будет двести страниц. И ни одного слова про Древний Рим.

11

В субботу вечером в стене сказало «чпок». Пришла пневмопочта.

Вастик посмотрел на часы. Ровно семь. Девятнадцать ноль-ноль.

Он вспомнил: первая открытка пришла в семь. Вторая — тоже в семь. Он проверил по Книге Почему. Он записывал. Сыщик должен записывать всё.

В капсуле была открытка. На ней был нарисован унитаз. С нотами. Он пел. Над ним в кроватке спал довольный младенец.

«Мальчику, который ищет кольца. Изобретение № 213. Унитаз, который поёт колыбельные. Для тех, кто боится ходить ночью в туалет. Не работает. Поёт только трубами, в два часа ночи. Но вы это уже знаете. Поздравляю бабушку с победой над теорией. Передайте ей: я тоже теоретик. Сорок лет. Е. Шестерёнкин».

В правом нижнем углу была шестерёнка. Вастик посчитал зубчики. Тридцать. Как в прошлый раз.

Вастик показал открытку дедушке. Дедушка прочитал. Потом посмотрел на часы. Потом ещё раз прочитал.

— Ровно в семь? — спросил он.

— Все три. Минута в минуту. Точнее, чем часы на башне. Они на две минуты спешат. Я проверял.

Дедушка снял очки. Протёр. Надел. Это он делает, когда о чём-то очень сильно думает.

— Тридцать зубчиков, — сказал дедушка тихо. — И ровно в семь. Сорок лет назад у нас на часовом заводе…

Он замолчал.

— Что? — спросил Вастик.

— Ничего, — сказал дедушка. — Мне надо кое-что вспомнить. Старое. Я вспомню — скажу.

Он взял со стола Книгу Почему. Открыл на странице с кольцом. С целью и четырьмя задачами-галочками. Долго смотрел.

— Знаешь, на что это похоже? — сказал дедушка. — На часы. У часов одна цель — показывать время. Правильно. А внутри — сто шестерёнок. И у каждой шестерёнки своя задача. Одна крутит секундную стрелку. Другая — минутную. Третья — передаёт силу от пружины. Маленькая, большая, с тридцатью зубчиками, с шестью. Если хоть одна не делает свою задачу — часы стоят. Сорок лет я чинил часы. И всегда начинал с одного вопроса: какая шестерёнка не делает свою задачу?

— А если цель большая-большая? — спросил Вастик. — Больше, чем кольцо?

— Тогда задач больше, — сказал дедушка. — И шестерёнок. Но цель всё равно одна. Её нельзя терять из виду. А то будешь крутиться, как шестерёнка без часов. Крутиться — крутишься, а время не идёт.

Вастик тут же открыл новую страницу. И написал:

«ДЕЛО № 5. ЦЕЛЬ: УЗНАТЬ, КТО ТАКОЙ ШЕСТЕРЁНКИН И КАКОЕ ЕГО ИЗОБРЕТЕНИЕ РАБОТАЕТ».

«ЗАДАЧИ: 1. Понять, откуда он всё знает. 2. Понять, почему открытки приходят ровно в семь. 3. Понять, что значат 30 зубчиков. 4. Понять, почему мигает чердак. 5. Узнать, что вспомнит дедушка. 6. …»

Шестую задачу он пока не знал. Но оставил место. Дедушка сказал, что это правильно. Самая главная задача часто появляется не в начале, а потом. Когда решишь первые пять.

И ушёл в мастерскую. Канарейка Вольт в тот вечер пела очень долго. Дедушка пилил до самой ночи. Что он пилил — никто не знал. Пилить было нечего.

12

Ночью Вастик чихнул. Василёк стоял рядом, а нос у Вастика любопытный. Мы это уже знаем.

В Лопухове шёл дождь. Лопуховский дождь — это когда с листа лопуха падает одна большая капля. Для лопуховцев это ливень.

Мураш стоял у входа в муравейник и смотрел, как вода бежит по маленьким канавкам. Канавки шли вокруг муравейника. Все — чуть-чуть под горку. И вода по ним уходила. А в муравейнике было сухо.

— Это мы прокопали, — сказал Мураш. — Все муравьи копают такие. С наклоном. Иначе муравейник затопит.

— Как у нас! — сказал Вастик. — Трубы с наклоном! Чтобы вода не стояла!

— Я бы прокопал канавку длиннее всех, — сказал Хвастик. Он сидел под грибом и был мокрый только наполовину. — Через всё Лопухово. До самого моря. Если бы захотел.

— А ты попробуй прокопать одну, — сказал Мураш. — Короткую. Но чтобы с наклоном.

Хвастик попробовал. Канавка получилась кривая и шла немножко в гору. Вода в ней остановилась и стала лужицей. Хвастик сел в эту лужицу. Случайно.

— Я специально, — сказал Хвастик. — Проверял, стоит ли вода. Стоит. Для всех проверил.

Мураш вздохнул. Как бабушка над справочником сантехника.

— Вода, — сказал он, — не уходит от того, что про неё рассказали. Её надо направить.

Вастик подумал, что Мураш и бабушка очень бы друг другу понравились.

13

Утром Вастик открыл Книгу Почему и написал:

«КУДА УХОДИТ ВОДА? ИЗ РАКОВИНЫ — В КОЛЕНО (ТАМ ВОДЯНАЯ ДВЕРЬ ОТ ЗАПАХА И КАМЕРА ХРАНЕНИЯ ДЛЯ КОЛЕЦ). ПОТОМ ПО ТРУБАМ ВНИЗ, С НАКЛОНОМ. ПОД УЛИЦЕЙ — В БОЛЬШИЕ ТРУБЫ. ПОТОМ НА СТАНЦИЮ. ТАМ ЕЁ ОТСТАИВАЮТ, И МИКРОБЫ ЕДЯТ ГРЯЗЬ И ПРОСЯТ ДОБАВКИ. ПОТОМ — В РЕКУ. ПОТОМ — СНОВА В КРАН. ПО КРУГУ. В УНИТАЗ НИЧЕГО НЕ БРОСАТЬ. ЖИР — НЕ В РАКОВИНУ. РУКИ — С МЫЛОМ».

Ниже:

«ДЕЛО № 7 — ЗАКРЫТО. ДЕЛО № 5: ОТКРЫТКИ ПРИХОДЯТ РОВНО В 19:00. ТОЧНЕЕ БАШНИ. ДЕДУШКА ЧТО-ТО ЗНАЕТ. ЧАСОВОЙ ЗАВОД. 40 ЛЕТ НАЗАД».

И ещё ниже, крупно:

«БАБУШКА — ПРАКТИК. ПАПА — ТЕОРЕТИК. МАМА — НАХОДЧИВАЯ. ВМЕСТЕ — ВСЁ РАБОТАЕТ. КАК ШЕСТЕРЁНКИ: У КАЖДОГО СВОЯ ЗАДАЧА, А ЦЕЛЬ ОДНА».

И на следующей странице:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ПОЧЕМУ ОГОНЁК НА ГАЗОВОЙ ПЛИТЕ СИНИЙ, А У КОСТРА — ЖЁЛТЫЙ?»

Потом Вастик пошёл на кухню. Мама мыла посуду. Кольцо лежало на полочке над раковиной. Мама его сняла. Заранее.

А на полочке рядом с кольцом лежала серая пуговица от папиного пиджака. Вымытая. И к ней была прислонена записка бабушкиным почерком: «Пришью в субботу. Практически».

Так оно и устроено.

Дело о синем огоньке

1

В Книге Почему был вопрос. Вастик записал его неделю назад:

«ПОЧЕМУ ОГОНЁК НА ГАЗОВОЙ ПЛИТЕ СИНИЙ, А У КОСТРА — ЖЁЛТЫЙ?»

Вастик думал, что ответ найдётся не скоро. Вопросы обычно ждут своей очереди, как Тюпа у булочной.

Но в среду огонёк на плите стал жёлтым.

Не весь. Одна конфорка. Та, что ближе к окну. Мама поставила на неё кастрюлю с супом, зажгла газ — а огонёк вместо синего, ровного, аккуратного, как подстриженная трава, вырос жёлтый. Длинный. Лохматый. С оранжевыми языками. Он качался и облизывал кастрюлю со всех сторон, как Пряник облизывает миску.

Через десять минут мама сняла кастрюлю. Дно было чёрное. Как ночь. Как Пряник в тёмной комнате, если бы Пряник был чёрный.

— Хм, — сказала мама. Это самое сердитое мамино слово. Вы это уже знаете.

Мама выключила газ. Сразу. Открыла окно. Тоже сразу. И только потом начала думать. Мама всегда сначала делает правильно, а потом думает. Папа — наоборот. Папа сначала думает, потом думает ещё, потом читает, что об этом думали другие. А потом бабушка уже всё сделала.

Вастик стоял и смотрел на чёрное дно. У него в голове уже горела ниточка. Та, которая протискивается.

— Это дело, — сказал он. — Номер восемь.

2

Бюро собралось через двадцать минут. На кухне. Кнопка решила, что выездное заседание солиднее, чем шкаф.

Кнопка осмотрела плиту. Тюпа осмотрел кастрюлю с супом. Суп был в порядке. Тюпа проверил. Дважды. Шуршик осмотрел табуретку. Изнутри своих век.

Вастик открыл Книгу Почему на новой странице и написал. Он теперь всегда так пишет. Сначала — цель. Одна.

«ДЕЛО № 8. О СИНЕМ ОГОНЬКЕ.

ЦЕЛЬ: ВЕРНУТЬ ПЛИТЕ СИНИЙ ОГОНЁК.

ЗАДАЧИ:

1. Понять, почему огонь бывает синим и жёлтым.

2. Найти, что изменилось в плите. Улики.

3. Починить. (Взрослые!)

4. Сделать так, чтобы не повторилось».

Слово «Взрослые!» он подчеркнул три раза. Потому что газ — это не батарейка. Газ — это не котёнок. Газ — это почти тигр. Только невидимый. Про это — отдельная главка. Без шуток.

— Подозреваемые? — спросила Кнопка.

Подозреваемых было три.

Подозреваемый первый — Пряник. Он директор кухни. Всё, что случается на кухне, случается на его территории. Алиби: весь день спал на батарее. Свидетель — Ватрушка. Но Ватрушка исчезла. Она всегда исчезает, когда нужно давать показания.

Подозреваемый второй — газ. Версия Тюпы: газ испортился. Как молоко. Прокис.

— Газ не прокисает, — сказал Вастик.

— А ты пробовал? — спросил Тюпа.

Вастик не пробовал. Газ решили не вычёркивать. Но записали мелко.

Подозреваемый третий — неизвестный. Мама сказала, что вчера вечером на этой конфорке кто-то что-то варил. Не она. Она вчера была у бабушки Зины. «На минутку». То есть два часа.

Все посмотрели на дверь кабинета. Там сидел папа и читал.

3

Папу допросили. Вежливо. Папа сразу признался. Он всегда признаётся сразу. Он инженер, а не преступник. Просто иногда его преступления получаются сами.

— Я варил какао, — сказал папа. — Вечером. На молоке. Я поставил молоко, а сам взял книгу. Про историю огня. Там было очень интересно. Про то, как люди сто тысяч лет назад научились добывать огонь трением. А потом… молоко убежало.

Вастик вскочил.

— Куда?!

— Ну… — сказал папа. — Убежало. Так говорят.

Но Вастик уже надевал куртку. Если молоко убежало, его надо найти. Это прямая задача сыщика. Убежавшее молоко — это беглец. А беглецов ищут по следам.

Вастик обошёл кухню. Следов не было. Он вышел во двор. Посмотрел под крыльцом. Посмотрел у калитки. Спросил у Пельменя, таксы Аркадия Аркадьевича, не пробегало ли тут молоко. Пельмень облизнулся. Это было подозрительно. Но доказательств не было.

Вастик вернулся.

— Молоко скрылось, — доложил он. — Без следа.

— «Убежало» — это значит, перелилось через край, — объяснила мама. — Когда молоко закипает, оно поднимается пеной. Быстро-быстро. И если не снять — переливается. На плиту. Вот и всё «убежало».

— Значит, оно убежало не во двор, а вниз, — сказал Вастик. — На плиту. Значит, следы — на плите.

Он взял дедушкину лупу. И пошёл к конфорке. Плита была выключена и холодная. Мама проверила. Мама всегда проверяет. Это у неё такое устройство.

Под лупой на конфорке были видны маленькие дырочки. По кругу. Из них выходит газ. Почти все дырочки были чистые. Но с одной стороны — с той, где убежало молоко, — дырочки были забиты. Коричневой корочкой. Пригоревшим молоком.

— Улика, — сказал Вастик. — Молоко не убежало. Оно спряталось. В дырочки.

Кнопка записала: «Беглое молоко обнаружено в конфорке. Задержано. В виде корочки».

4

— Хорошо, — сказала Кнопка. — Дырочки забиты. А почему от этого огонь жёлтый? Это не доказано. Это догадка.

Кнопка была права. Догадка без проверки — это мнение. Мы это уже знаем. Поэтому бюро пошло к дедушке.

Дедушка выслушал. Кивнул. Достал из шкафа свечку, стеклянную банку и блюдце.

— Опыт, — сказал он. — Огонь зажигаю я. Вы смотрите. Огонь — не игрушка. Это правило. Оно висит у меня в голове, а у вас пусть висит в двух местах: в голове и на стенке.

Он поставил свечку на блюдце. Зажёг. Свечка горела жёлтым огоньком. Спокойно. Как будто читала книжку.

Потом дедушка накрыл свечку банкой.

Огонёк сначала горел как ни в чём не бывало. Потом стал маленьким. Потом задрожал. Потом стал ещё меньше. И погас. Тонкой ниточкой поднялся дымок и прилип к стеклу изнутри.

— Он умер? — шёпотом спросил Тюпа.

— Он задохнулся, — сказал дедушка. — Огню, как и нам, нужно дышать. Ему нужен воздух. Точнее, то, что есть в воздухе. Кислород. Огонь его ест. Без кислорода огня не бывает. Закрыл банкой — кислород кончился — огонь погас.

— Значит, огонь живой? — спросил Вастик.

Дедушка подумал.

— Он как живой. Он ест, дышит, растёт и может умереть. Но он не думает. И не жалеет. Поэтому с ним надо очень осторожно. Он не злой. Он просто очень голодный. Всегда.

Тюпа наклонился к банке поближе. Посмотреть, куда делся огонёк.

— Тюпа! — сказала Кнопка голосом начальника. — Не играй с огнём!

— Я не играю, — сказал Тюпа. — Я смотрю.

Вастик задумался.

— Дедушка, а с огнём вообще можно играть? В какие игры?

— Ни в какие, — сказал дедушка. — Огонь всегда выигрывает. Он не знает правил и не умеет проигрывать. Даже хуже Кнопки. Поэтому так и говорят: «не играй с огнём». Это значит — не делай того, что может плохо кончиться.

Кнопка сказала, что она проигрывать умеет. Просто у неё пока были одни тренировки. Сорок восемь.

5

— А теперь — синий и жёлтый, — сказал дедушка.

Он объяснил так. Я передаю почти дословно.

В газовой конфорке газ сначала смешивается с воздухом. Ещё внутри. До того как загорится. Газ и воздух выходят из дырочек вместе, уже перемешанные, как тесто для блинов. И тогда огню всего хватает. Он ест газ полностью. Чисто. До крошки. И горит синим. Ровно. Горячо. Без дыма. Без копоти.

А в костре воздуха мало. Он только снаружи. Дрова горят, а воздух до середины огня не достаёт. Огню не хватает. Он ест неаккуратно. Остаются маленькие-маленькие крошки. Чёрные. Сажа. Эти крошки летают в пламени, раскаляются — и светятся. Жёлтым. Как ниточка в лампочке.

— Значит, жёлтый огонь — это крошки светятся? — спросил Вастик.

— Именно. Жёлтый — это огонь, который не доел. А синий — который доел всё.

Тюпа посмотрел на дедушку с огромным уважением. Тюпа тоже всегда доедает всё. Значит, Тюпа — синий огонь. Это его очень обрадовало.

— А чёрное дно у кастрюли? — спросила Кнопка.

— Это крошки, которые не догорели и прилипли. Сажа. Копоть. Синий огонь кастрюлю не пачкает. А жёлтый — пачкает. Потому что ему не хватило воздуха.

И тут Вастик понял. Сразу. Целиком. Как будто в голове зажглась не ниточка, а целая конфорка.

— Дедушка! Я знаю! Это метод башни!

Он открыл Книгу Почему и стал говорить, а рука сама писала:

— Большое правило: огню нужно дышать. Если воздуха хватает — огонь синий. Если не хватает — жёлтый и коптит. Это зонтик. А теперь маленький случай. Наша конфорка. Огонь жёлтый и коптит. Значит — ему не хватает воздуха. Значит, что-то мешает воздуху. Значит — дырочки! Молоко забило дырочки! Газ выходит, а воздух с ним не перемешивается! Огонь не доедает! Крошки светятся жёлтым и прилипают к кастрюле!

Он замолчал, потому что кончилось дыхание. Как у свечки под банкой.

Дедушка снял очки. Протёр. Надел.

— Сверху вниз, — сказал он. — Как вода из башни. Поставь галочку, сыщик.

Вастик поставил две. Первая задача — понять. Вторая — улики. Обе решены.

А на странице с законами появился новый:

«Закон седьмой. Огню нужно дышать. Сытый огонь — синий. Голодный — жёлтый и коптит».

6

Вечером Вастик рассказал всё папе. Это было ошибкой. Вастик понял это через секунду. Опять.

Глаза у папы загорелись. Синим. Сытым. Огнём.

— Кислород, — сказал папа, — открыл француз по имени Лавуазье. Двести пятьдесят лет назад. Он сжигал всё подряд в закрытых сосудах и взвешивал. А до него учёные думали, что в каждой вещи есть особое вещество — флогистон, — и когда вещь горит, флогистон из неё улетает. Представляешь? Сто лет все в это верили! А ещё был немец по фамилии Бунзен, он придумал горелку, где газ смешивается с воздухом, — точно как в нашей плите! Её до сих пор называют его именем! А ещё огонь на Земле появился, только когда в воздухе стало достаточно кислорода, это было четыреста миллионов лет назад, а до этого…

Мама посмотрела на Вастика. Вастик достал свисток.

«Фьють».

Папа замолчал. Четыреста миллионов лет назад так и остались без огня.

— А вот, — сказала мама, — скажи мне, Лавуазье, как теперь почистить конфорку.

Папа открыл рот. Закрыл. Сказал, что в инструкции к плите, наверное, написано. Он пошёл искать инструкцию. Инструкция была в ящике. Под ней лежали папины ключи. Их не было три дня. Папа очень обрадовался ключам. Про инструкцию он забыл.

Вот так устроен папа. Он знает, кто открыл кислород. Но инструкцию он находит, только когда ищет ключи. И наоборот.

7

Утром пришла бабушка. С пирогом. Ей рассказали. Бабушка послушала, посмотрела на конфорку и сказала:

— Лавуазье, говоришь. Флогистон. Ну-ну. Дай-ка мне иголку. Тонкую. Или проволочку.

Иголки под рукой не было. Мама пошла искать. И тут проснулся Шуршик.

Шуршик спал на табуретке с самого утра. Он пришёл на заседание бюро в семь и в семь пять уже спал. А тут вдруг открыл глаза. Сунул руку в левый карман. Порылся. И достал тонкую медную проволочку. Ровную. Блестящую. Как раз такую.

— Пригодилось, — сказал Шуршик. Очень тихо. Очень торжественно. Как говорят «я люблю тебя» или «я нашёл клад».

Все замолчали. Это был исторический момент. Первый раз за всю жизнь Шуршика что-то из его карманов пригодилось при всех. Шуршик носил эту проволочку с весны. Он не знал зачем. Он просто знал, что надо.

— Молодец, — сказала бабушка. И это было, наверное, самое главное «молодец» в жизни Шуршика.

Вечером дядя Гена записал в свой список: «Пригодилось — пять». Раньше было четыре. Он весь вечер ходил по гаражу и звенел всеми колокольчиками сразу. От радости.

Бабушка проверила, что газ закрыт. Сняла с конфорки крышечку. Холодную. Прочистила проволочкой каждую дырочку. Одну за другой. Не торопясь. Корочка выходила маленькими коричневыми червячками. Тюпа смотрел очень внимательно, но, к его чести, не попробовал.

Потом бабушка промыла крышечку, вытерла насухо и поставила на место.

— Зажигай, — сказала она маме.

Мама зажгла.

Огонёк был синий. Ровный. Аккуратный. Как подстриженная трава. Он тихо шумел: «Ш-ш-ш». Как будто говорил «спасибо, наелся».

Вастик поставил третью галочку.

8

А потом бабушка сделала вот что. Она понюхала воздух у плиты. Долго. Внимательно. Как Пряник нюхает сметану. И нахмурилась.

— Газом пахнет, — сказала она.

Все понюхали. Никто ничего не почувствовал. Мама понюхала дважды. Папа понюхал по-научному — помахав ладонью к носу, как учат в книгах. Тоже ничего.

— Чуть-чуть, — сказала бабушка. — Вот здесь. За плитой. Мама, закрой кран на трубе. Окно открой. И принеси мыло и кисточку. И миску с водой.

Мама сделала всё. Быстро. Не спрашивая. Когда бабушка говорит таким голосом, не спрашивает даже папа.

Бабушка взбила в миске мыльную пену. Густую. Как на капучино. Потом кисточкой намазала пену на все места, где шланг от плиты соединяется с трубой. Гайки. Стыки. Колечки.

Сначала ничего. А потом на одном стыке пена зашевелилась. И из неё стал медленно-медленно расти пузырь. Маленький. Потом побольше. Потом ещё один.

— Вот, — сказала бабушка. — Утечка. Маленькая. Газ выходит — пена пузырится. Мыльная пена — лучший сыщик. Никогда не врёт. И очков не носит.

Папа смотрел на пузырь, как будто это был НЛО.

— Мама, — сказал он медленно, — откуда ты это знаешь? Этого нет ни в одной книге, которую я читал.

— Работала, — сказала бабушка. — С бумагами.

И пошла звонить в газовую службу. По говорилке. Номер она набрала не глядя.

9

Теперь главная главка. Без шуток. Совсем. Даже Пряник в ней не участвует.

Газ, который приходит в дом по трубам, сам по себе ничем не пахнет. Совсем. Его нельзя увидеть и нельзя учуять. Поэтому люди нарочно добавляют в него запах. Неприятный. Резкий. Чтобы газ, если он убежал, мог сам о себе сказать: «Я здесь». Это очень умно. Это придумали, чтобы спасать людей.

Если дома пахнет газом, делают вот что. По порядку.

Не включают и не выключают свет. Ни одной кнопки. Ни одного выключателя. Даже говорилку в этой комнате не трогают. От маленькой искры газ может вспыхнуть.

Не зажигают ничего. Ни спичек, ни свечей, ни зажигалок.

Сразу зовут взрослого. Громко.

Взрослый закрывает кран на трубе и открывает окна.

Все выходят из дома. И уже с улицы, от соседей, звонят в газовую службу.

Ручки плиты дети не крутят. Никогда. Даже если плита выключена. Даже чтобы посмотреть. Ручки плиты — для взрослых. Как руль у машины.

Спички — не игрушка. Зажигалка — не игрушка. Огонь не умеет останавливаться сам. Он очень голодный. Всегда.

Вастик записал всё это в Книгу Почему. Без рисунков. Рисовать тут было нечего. Тут надо было просто запомнить.

10

Газовщик приехал через сорок минут. Его звали Пётр Петрович Синицын. У него был синий чемоданчик, синяя куртка и синие от холода уши. Он сказал, что любит свою работу, потому что она синяя. Как правильный огонь.

Про Петра Петровича надо сказать несколько слов. Ему шестьдесят один год. За тридцать восемь лет работы он проверил двадцать девять тысяч плит. Он помнит каждую. По номеру квартиры. Он может рассказать, в каком доме на какой улице в каком году убежало молоко. Он говорит, что молоко убегает в городе примерно четыреста раз в день. И что за всю его жизнь ни одно не удалось поймать.

Пётр Петрович посмотрел на мыльный пузырь. Посмотрел на бабушку. Подтянул гайку ключом. Снова намазал пену. Пузырей не было.

— Ловко вы нашли, — сказал он бабушке. — Такую маленькую утечку обычно не чуют. Её нос не берёт. Только прибор. Где вы этому научились?

— Работала, — сказала бабушка.

— С бумагами? — спросил Пётр Петрович. И посмотрел на бабушку очень внимательно. И вдруг выпрямился. Совсем немножко. Как выпрямляются, когда видят генерала.

— С важными, — сказала бабушка. И налила ему чаю.

Пётр Петрович пил чай очень почтительно. Маленькими глотками. И больше ничего не спрашивал. Уходя, он сказал маме шёпотом в прихожей: «Берегите её». Мама сказала, что бережёт. Вастик слышал. Сыщики слышат, когда говорят шёпотом.

Кнопка внесла в протокол: «Бабушка — свидетель. Особо ценный. Где работала — неизвестно. Вопросов не задавать. Приказ начальника бюро». Это был первый приказ Кнопки, который она отдала шёпотом.

11

Оставалась четвёртая задача. «Сделать так, чтобы не повторилось». Чтобы молоко больше не убегало.

Папа предложил изобрести специальный датчик. С колокольчиком. Как у дяди Гены. Который звенит, когда молоко поднимается. Он даже нарисовал схему. На салфетке. С проводочками.

Мама посмотрела на схему. Сказала, что красиво. Потом взяла деревянную ложку. Обычную. И положила её поперёк кастрюли с молоком. Сверху. Как мостик.

— И всё? — спросил папа.

— Смотри, — сказала мама.

Молоко закипело. Пена поднялась. Быстро-быстро. До самого верха. Дошла до ложки. И — остановилась. Пузыри лопались о деревянную ложку, как волны о берег. И пена опускалась обратно. Молоко никуда не убежало.

— Почему? — спросил Вастик.

— Ложка холоднее, чем пена, — сказала мама. — И сухая. Пузыри её касаются и лопаются. А ещё — главное — когда на кастрюле лежит ложка, ты помнишь, что молоко на плите. Это самая важная часть. Её в схему не нарисуешь.

Папа посмотрел на свою салфетку со схемой. Потом на ложку. Потом сложил салфетку и убрал в карман. Рядом с ключами. Это был первый раз за неделю, когда папа точно знал, где его ключи.

Вастик поставил четвёртую галочку. Цель достигнута. Огонёк синий.

Бабушка сказала, что ложка — это практика. А схема — это теория. А теория, которая ведёт к ложке, — это ещё ничего. Почти практика. Папа сказал, что его схема к ложке не вела. Бабушка сказала: «Вот именно».

12

В семь часов вечера в стене сказало «чпок». Ровно в семь. Вастик посмотрел на часы. Он теперь всегда смотрит.

На открытке была нарисована плита. Она стояла в тёмной кухне, все спали, а на плите сама по себе варилась каша. Над кашей висела луна.

«Сыщику бюро «Почему». Изобретение № 214. Плита, которая сама варит кашу, пока все спят. Не работает. Варит, только когда её включают. Как все плиты. Передайте вашей бабушке моё почтение. Мыльная пена — это профессионально. И передайте вашему дедушке: часы на башне спешат на две минуты с осени тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Я знаю почему. Я их… Е. Шестерёнкин».

Слово «их» было последним. Дальше открытка была оторвана. Ровно, по линеечке. Как будто нарочно.

В углу была шестерёнка. Тридцать зубчиков.

Вастик побежал в мастерскую. Дедушка пилил. Вольт пел. Вастик показал открытку.

Дедушка прочитал. Перестал пилить. Вольт перестал петь. Стало очень тихо.

— «Я их…», — повторил дедушка. — «Я их» — что?

Он сел на табуретку. Долго молчал. Потом сказал:

— Я вспомнил. Не всё. Немножко. Сорок лет назад у нас на заводе был главный конструктор. Молодой. Самый молодой главный конструктор за всю историю завода. Фамилию его никто не помнил — у нас его звали просто Ефим-Изобретатель. А сейчас я думаю: это он. Наш сосед с чайником на крыше. Он всё время что-то рисовал. На салфетках. Как твой папа. Мы, наладчики, над ним посмеивались. А он не обижался. Он говорил: «Вы чините то, что сломалось. А я делаю то, чего ещё нет».

— А потом?

— А потом он делал один большой заказ. Для города. Секретный. Год. Никого к нему не пускал. А когда закончил — ушёл с завода. В один день. Никому ничего не сказал. И больше его никто не видел.

— А что это был за заказ?

Дедушка посмотрел в окно. Туда, где над городом стояла башня. С часами. Которые спешили на две минуты.

— Не знаю, — сказал он. — Правда не знаю. Но, кажется, нам надо это узнать.

Вастик открыл страницу дела номер пять. Поставил галочку у задачи пять: «Узнать, что вспомнит дедушка». Не до конца. Половинку галочки. Так тоже можно. Дедушка сказал, что половинка галочки — это честнее, чем целая, поставленная заранее.

А на месте шестой задачи, которая была пустой, Вастик написал карандашом, очень осторожно:

«6. Часы на башне?»

13

Перед сном Вастик открыл Книгу Почему и записал:

«ПОЧЕМУ ОГОНЁК СИНИЙ, А КОСТЁР ЖЁЛТЫЙ? ОГОНЬ ДЫШИТ ВОЗДУХОМ. В ПЛИТЕ ГАЗ ЗАРАНЕЕ ПЕРЕМЕШАН С ВОЗДУХОМ — ОГОНЬ ДОЕДАЕТ ВСЁ И ГОРИТ СИНИМ. В КОСТРЕ ВОЗДУХА МАЛО — ОГОНЬ НЕ ДОЕДАЕТ, КРОШКИ-САЖА СВЕТЯТСЯ ЖЁЛТЫМ И КОПТЯТ. ДЕЛО № 8: МОЛОКО УБЕЖАЛО НЕ ВО ДВОР, А В ДЫРОЧКИ. ДЫРОЧКИ ПРОЧИСТИЛИ ПРОВОЛОЧКОЙ ШУРШИКА (ПРИГОДИЛОСЬ!). БАБУШКА НАШЛА УТЕЧКУ МЫЛОМ. ЗАПАХ ГАЗА — ВЫЙТИ, НИЧЕГО НЕ ВКЛЮЧАТЬ, ЗВАТЬ ВЗРОСЛЫХ. ЛОЖКА ПОПЕРЁК — МОЛОКО НЕ УБЕЖИТ. ДЕЛО ЗАКРЫТО».

Ниже — пословица, которую в тот день сказала бабушка: «Нет дыма без огня». Вастик приписал: «А У СИНЕГО ОГНЯ ДЫМА НЕТ! ЗНАЧИТ, ПОСЛОВИЦА НЕПРАВИЛЬНАЯ?». Утром бабушка прочитала и сказала: «Пословицы все правильные. Это газ неправильный. Слишком хорошо горит». Вастик решил, что спорить с бабушкой — всё равно что спорить с мыльной пеной. Она всегда найдёт, где пузырь.

И на следующей странице:

«ЗАВТРА УЗНАТЬ: ЧТО ЖИВЁТ ВНУТРИ ЧАСОВ? (ОСОБЕННО — НА БАШНЕ)».

Он выключил свет. На кухне тихо шумел синий огонёк — мама ставила чайник на утро. Сытый огонь. Доедает всё. Вастик уснул под его «ш-ш-ш».

Так оно и устроено.

Дело о часах на башне

1

Часы на башне видно из любого места в городе. Это очень удобно. Если ты потерялся — посмотри на часы и иди к ним. Если ты не знаешь, который час, — посмотри на часы. Если

ты Пряник — не смотри. Пряник время не признаёт. Для него есть только два времени: «ещё не кормили» и «уже не кормили».

Часы на башне спешат на две минуты. Это Вастик выяснил сам. Ещё неделю назад. Он сверял их с дедушкиными часами, а дедушкины часы самые точные в городе. Дедушка проверяет их по радио. Радио врёт про погоду, но про время — никогда. Это его единственная честность.

А теперь выяснилось, что часы спешат с осени тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. И что Шестерёнкин знает почему. «Я знаю почему. Я их…»

Дальше открытка была оторвана.

Бюро собралось в шкафу. Все четверо. Шуршик тоже. Он даже не спал. После «пригодилось» он стал другим человеком. Он теперь всё время держал руку в кармане. На всякий случай. Вдруг опять.

Вастик открыл Книгу Почему.

«ДЕЛО № 9. О ЧАСАХ НА БАШНЕ.

ЦЕЛЬ: УЗНАТЬ, ПОЧЕМУ ЧАСЫ НА БАШНЕ СПЕШАТ НА ДВЕ МИНУТЫ.

ЗАДАЧИ:

1. Понять, что живёт внутри часов.

2. Попасть в башню.

3. Найти, что там изменили. Улики.

4. Решить, что с этим делать».

— Вторая задача невозможная, — сказала Кнопка. — В башню никого не пускают. Там замок. И табличка «Посторонним вход воспрещён».

— Мы не посторонние, — сказал Вастик. — Мы сыщики.

Кнопка подумала и сказала, что это, в общем, аргумент. Но замок, скорее всего, с ней не согласится.

2

Первую задачу решали у дедушки. В мастерской.

Дедушка достал с полки старый будильник. Круглый, на ножках, с двумя звонками сверху, как уши. Будильник не работал уже лет двадцать. Дедушка не выбрасывал его, потому что это был его первый будильник. Он его будил на завод сорок лет. А потом устал. Будильники тоже устают. Как лампочки.

— Открывай, — сказал дедушка. — Своей отвёрткой.

Вастик достал жёлтую отвёртку. Руки у него немножко дрожали. Это была первая настоящая работа для жёлтой отвёртки. Не банка. Не ручка для сковородки. Часы.

Он открутил четыре винтика на задней крышке. Снял крышку.

Внутри был город.

Так Вастик потом и записал. «Внутри был город». Колёсики. Маленькие и большие. С зубчиками. Одно цеплялось за другое, другое — за третье. Пружинка, свёрнутая улиткой. Крошечные винтики. Блестящие оси. И маленькое колёсико, которое могло качаться туда-сюда, как будто оно до сих пор хотело тикать, но забыло как.

— Шестерёнки, — прошептал Вастик.

— Шестерёнки, — сказал дедушка. — Помнишь? Одна цель — показывать время. И у каждой шестерёнки — своя задача.

И тут случилось вот что. Вастик тронул отвёрткой одну шестерёнку, чтобы посмотреть, крутится ли. Пружинка-улитка внутри вдруг развернулась. «Дзынь!» Выпрыгнула из будильника. Пролетела через всю мастерскую. И упала прямо в клетку к канарейке Вольту.

Вольт посмотрел на пружинку. Пружинка посмотрела на Вольта. И Вольт запел. Хотя никто ничего не пилил.

— Ну вот, — сказал дедушка. — Вольт теперь поёт на пружинки. Это новое. Запиши.

— А пружинка опасная? — спросил Вастик.

— В будильнике — немножко. А в больших часах пружины такие, что могут ударить сильнее, чем папа, когда он закрывает банку. Поэтому большие механизмы разбирают только мастера. И пальцы в шестерёнки не суют. Никогда. Шестерёнки — это зубы. Они не знают, что жуют.

3

Дедушка объяснил, как живут часы. Я перескажу коротко. Дедушка объяснял долго, но у него было оправдание: он сорок лет чинил часы. Ему было что сказать.

Сначала в часах есть сила. В будильнике — пружина. Её заводят ключиком, она сворачивается, а потом медленно раскручивается и толкает шестерёнки. В больших часах на башне — гири. Тяжёлые. Как мешки с картошкой. Их поднимают наверх, а они потихоньку опускаются и тянут за собой шестерёнки.

Но если просто отпустить силу — шестерёнки раскрутятся за одну секунду. Как Шуршик с горки. «Вжжжжж!» — и всё. Время кончилось. Нужно, чтобы шестерёнки крутились медленно. Ровно. По шагу.

Для этого в часах есть сторож.

— Сторож? — спросил Вастик.

— Так его называют часовщики. По-настоящему — анкер. Он похож на якорь. Он качается туда-сюда и пропускает шестерёнку только по одному зубчику. Чик — один зубчик прошёл. Чик — следующий. Как Кнопка, которая пропускает в шкаф бюро по одному.

— А что качает сторожа?

— В больших часах — маятник. Это тяжёлый груз на длинной палке. Он качается. Туда — сюда. Туда — сюда. Каждое качание — один «чик». Каждый «чик» — шестерёнка на один зубчик. Из зубчиков складываются секунды. Из секунд — минуты. Из минут — часы. Из часов — весь день. А из дней — вся жизнь.

Вастик долго смотрел на маленькое колёсико в будильнике, которое качалось.

— Получается, — сказал он, — время — это когда что-то качается. А мы считаем.

Дедушка снял очки. Протёр. Надел.

— Это лучшее определение времени, которое я слышал, — сказал он. — А я слышал много. На заводе у нас был целый плакат.

4

Вечером Вастик спросил папу про маятник. Он знал, что это ошибка. Но иногда ошибку делаешь нарочно. Потому что хочется послушать.

— Маятник! — сказал папа. И отодвинул тарелку. — Первым заметил, как он работает, Галилей. Он был мальчишкой. Ему было семнадцать. Он сидел в соборе, скучал на службе и смотрел, как под потолком качается лампа. Её качнул ветер. И Галилей заметил, что лампа качается всегда одинаково по времени — и когда сильно, и когда слабо. Часов у него не было. И знаешь, чем он считал? Своим пульсом! Держал пальцы на запястье и считал удары сердца! А потом голландец Гюйгенс в тысяча шестьсот пятьдесят шестом году сделал первые часы с маятником, и они ошибались всего на минуту в день, а до этого часы ошибались на пятнадцать минут, и ещё Гюйгенс открыл кольца Сатурна, и…

«Фьють», — сказал свисток. Вастик не хотел свистеть. Но мама посмотрела.

Кольца Сатурна остались неоткрытыми. До следующего ужина.

— Но главное, — быстро сказал папа, пока мама не посмотрела снова, — главное — это длина! Длинный маятник качается медленно. Короткий — быстро. Это закон. Галилей его открыл, а Гюйгенс посчитал.

Вастик замер. Вилка с котлетой остановилась на полпути.

— Длинный — медленно, — повторил он. — Короткий — быстро.

— Это можно проверить, — сказала мама. — Прямо сейчас.

Она взяла нитку из своего кармана. В мамином кармане есть всё, мы это знаем. Привязала к нитке гайку. Тоже из кармана. Почему у мамы в кармане гайка — неизвестно. Мама сказала: «На всякий случай». Шуршик бы её зауважал.

Мама держала нитку длинно — гайка качалась медленно, важно, как Аркадий Аркадьевич идёт к своей луже. Мама укоротила нитку — гайка заметалась быстро-быстро, как Кнопка, когда проигрывает.

— А ещё, — сказала мама, — я так варю яйца всмятку. Когда кухонный таймер сломался. Нитка длиной с мою руку. Одно качание — почти секунда. Сто восемьдесят качаний — три минуты. Яйцо всмятку. Никакого Гюйгенса.

Папа посмотрел на маму с изумлением. Он двенадцать лет ел эти яйца. И не знал, что их варят по маятнику.

5

Ночью Вастик не мог уснуть. В голове у него качался маятник. Туда — сюда. Он встал. Взял Книгу Почему. И при свете фонарика написал.

Это был метод башни. Он делал его теперь сам. Без дедушки.

«БОЛЬШОЕ ПРАВИЛО (ЗОНТИК): ДЛИННЫЙ МАЯТНИК КАЧАЕТСЯ МЕДЛЕННО. КОРОТКИЙ — БЫСТРО.

МАЛЕНЬКИЙ СЛУЧАЙ: ЧАСЫ НА БАШНЕ СПЕШАТ. ЗНАЧИТ, ОНИ ИДУТ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ НАДО. ЗНАЧИТ, МАЯТНИК КАЧАЕТСЯ БЫСТРЕЕ. ЗНАЧИТ, МАЯТНИК СТАЛ КОРОЧЕ. ЗНАЧИТ, КТО-ТО ЕГО УКОРОТИЛ. В 1986 ГОДУ. ОСЕНЬЮ».

Он подумал. И приписал:

«КТО-ТО — ЭТО Е. Ш. НАВЕРНОЕ».

А на странице с законами появился восьмой:

«Закон восьмой. Всё, что качается, считает время. Длинное качается медленно, короткое — быстро».

Утром дедушка прочитал это и ничего не сказал. Только положил руку Вастику на голову. Это у дедушки значит больше, чем «молодец». Это значит «я тобой горжусь, но если скажу вслух — заплачу, а я не люблю плакать при канарейке».

6

Оставалась вторая задача. Попасть в башню.

Дедушка позвонил в городскую управу. Ему сказали, что башня закрыта на ремонт. Уже двенадцать лет.

Папа написал официальное письмо. С печатью. Ему ответили, что письмо принято к рассмотрению. Рассматривать будут три месяца. Папа сказал, что за три месяца часы убегут ещё на… он посчитал… ни на сколько, они спешат ровно, но всё равно обидно.

Кнопка предложила засаду у двери башни. Шуршик был готов. Он даже взял подушку.

А потом пришла бабушка. С пирогом. Ей рассказали. Бабушка выслушала. Вытерла руки о фартук. Подошла к говорилке. Набрала номер. Не глядя.

— Алло. Серёжа? — сказала бабушка. — Это я. Да. Та самая. Ничего, спасибо. Слушай, мне надо в башню. Завтра. С внуком и ещё тремя. Да. Детьми. Да. Знаю. Знаю. Ничего не тронут. Спасибо, Серёжа. Привет Тамаре.

Она повесила трубку. Все смотрели на неё.

— Завтра в десять, — сказала бабушка. — У башни. Тёплые шапки, там дует.

— Мама, — медленно сказал папа. — Кто такой Серёжа?

— Хороший человек, — сказала бабушка. — Работали вместе.

— С бумагами? — спросил папа.

— С важными, — сказала бабушка. И отрезала ему пирога. Самый большой кусок. Чтобы он больше ничего не спрашивал. Это сработало. Папа ел пирог и молчал. Как Мураш.

Вастик поставил галочку у второй задачи. И подумал, что у бабушки, наверное, есть свой метод башни. Только какой — она никогда не скажет.

7

У двери башни их ждал Серёжа. Сергей Сергеевич Звонарёв. Смотритель часов.

Про Сергея Сергеевича надо сказать вот что. Ему семьдесят лет. Сорок один год он каждый понедельник поднимается на башню по ста двенадцати ступенькам и заводит часы. Гири поднимает. Смазывает шестерёнки. Протирает стекло циферблата изнутри. Он ни разу не пропустил понедельник. Даже когда сломал ногу — поднялся на костылях. Сто двенадцать ступенек на костылях. Это заняло четыре часа. Но часы были заведены.

Сергей Сергеевич посмотрел на бабушку. Выпрямился. Немножко. Как газовщик Синицын.

— Здравствуйте, Анна Павловна, — сказал он.

Все замерли. Никто никогда не называл бабушку по имени-отчеству. Даже папа не был уверен, что знает её отчество. Он потом признался, что знал, но забыл. От неожиданности.

— Здравствуй, Серёжа, — сказала бабушка. — Веди.

Сто двенадцать ступенек — это много. Это как на пятый этаж к бабушке, только четыре раза подряд. Лестница была узкая, каменная и крутилась винтом. Как пружинка в будильнике.

Правила на лестнице Сергей Сергеевич сказал внизу. Коротко. За перила держаться всегда. По ступенькам не бегать. Через перила не перегибаться. Наверху к механизму близко не подходить, пальцы никуда не совать. Если что-то крутится — это не для рук. Если что-то висит — это тоже не для рук.

Тюпа на шестидесятой ступеньке спросил, нет ли наверху буфета. Буфета не было. Тюпа поднимался дальше с героизмом.

Шуршик на восьмидесятой ступеньке хотел прилечь. Кнопка не разрешила. Она сказала, что начальник засад не спит на задании. Шуршик сказал, что это не сон, а засада. Кнопка сказала, что засада — сидя. Шуршик сел. Его подняли.

А бабушка поднялась первая. Ни разу не остановилась. Ни разу не взялась за сердце. Наверху даже не запыхалась. Сергей Сергеевич посмотрел на неё с уважением. Папа, который шёл последним и пыхтел, посмотрел на неё с изумлением. Он подумал, что, наверное, «работа с бумагами» требует очень хорошей физической подготовки.

8

Это та самая башня на горе. Водонапорная. Наверху у неё бак с водой, а под баком, посередине, — часы. Башня работает на город дважды: даёт воду и даёт время. Сергей Сергеевич сказал, что это самая трудолюбивая башня в стране. Вастик ему поверил.

Наверху было большое круглое помещение. Через стекло циферблата падал свет — жёлтый, круглый, с чёрными цифрами наоборот. Стрелки были видны изнутри. Огромные. Длиннее папы.

А посередине стоял механизм.

Он был размером с дедушкину мастерскую. Шестерёнки — большие, как колёса телеги, и маленькие, как блюдце. Оси — толстые, как Тюпина рука. Всё блестело маслом и тихо, ровно говорило: «Тик. Так. Тик. Так». Не так, как будильник. Медленно. Важно. Как будто сам город разговаривал.

А под механизмом, в длинной шахте, качался маятник. Огромный. Длинная железная штанга и на конце — тяжёлый медный диск. Размером с бабушкину сковородку. Туда — сюда. Туда — сюда.

Дедушка подошёл поближе. Ему разрешили. Он мастер. Он смотрел на механизм так, как бабушка смотрит на хороший пирог. С пониманием.

— Хорошая работа, — сказал он тихо. — Очень хорошая. Наш завод. Я узнаю.

Вастик достал Книгу Почему. Метод башни говорил: маятник короче, чем должен быть. Значит, смотреть на маятник.

— Дедушка, — шёпотом сказал он. — Внизу, у диска. Посмотри.

Дедушка посмотрел. Попросил у Сергея Сергеевича фонарик. Посветил вниз, в шахту.

На штанге маятника, над медным диском, была гайка. Ею регулируют длину. Подкручиваешь вверх — маятник короче, часы идут быстрее. Вниз — длиннее, медленнее. Так делают все часовщики. Это нормально.

Но над этой гайкой была ещё одна. Маленькая. Латунная. Другая. Она держала диск чуть-чуть выше, чем нужно. На палец. Ровно на палец.

А к этой гайке была прикручена тонкая медная пластинка. На ней было выгравировано. Очень мелко. Дедушка прочитал вслух. Голос у него стал какой-то другой.

«Две минуты — для тех, кто опаздывает. Не трогать. Е. Ш. Осень 1986».

А рядом с надписью была выгравирована шестерёнка. Вастик посчитал зубчики. Ему даже не нужна была лупа. Он уже знал.

Тридцать.

9

Все молчали. Только часы говорили: «Тик. Так».

— Он укоротил маятник, — сказал Вастик. — На палец. Нарочно. Чтобы часы спешили.

— Зачем? — спросила Кнопка. Шёпотом. Это был второй её шёпот за всю историю бюро.

И тут заговорил Сергей Сергеевич. Он стоял у окна-циферблата и смотрел на город. Сквозь цифру «семь». Наоборот.

— Я знаю про эту гайку, — сказал он. — Давно. Я нашёл её в первый же год. И не тронул. Сначала — потому что было написано «не трогать». А потом… потом я понял зачем.

Он помолчал.

— Последний солнцеход из центра уходит в десять вечера. По расписанию. По станционным часам. А люди смотрят на башню. Все смотрят на башню. И когда на башне без двух минут десять, они думают, что уже десять. И бегут. И успевают. С осени восемьдесят шестого года в нашем городе никто не опоздал на последний солнцеход. Ни один человек. Я проверял. Я спрашивал у кондукторов. Сорок лет.

— А до восемьдесят шестого? — спросил Вастик.

— А до — опаздывали. Каждый вечер кто-нибудь. Стоял на остановке. Один. В темноте. А солнцеход уходил. Ночью он не ходит, крылья не работают. И человек шёл пешком через весь город. Иногда — под дождём.

Сергей Сергеевич посмотрел на маятник.

— Ефим это придумал, — сказал он. — Я не знаю почему. Может, сам однажды опоздал. Может, кто-то ему дорогой опоздал. Он не говорил. Он ни с кем не говорил после того года.

Я скажу вам одну вещь. Тогда её никто в башне не знал. Но вы, наверное, уже догадались. Тот, кто однажды опоздал на последний солнцеход и шёл пешком под дождём через весь город, — это была очень важная история. И она будет в этой книге. Но потом. Сыщики не забегают вперёд.

10

Четвёртая задача была: «Решить, что с этим делать».

Бюро совещалось прямо на башне. Рядом с механизмом. Шёпотом. Кнопка сказала, что раз уж она начальник, она даёт слово каждому. По очереди. Как бояться.

— Часы должны быть точными, — сказал папа. Он был не член бюро, но ему тоже дали слово. — Это… это правильно. Теоретически.

— А практически, — сказала бабушка, — никто не опаздывает на солнцеход. Сорок лет. Вот это я понимаю — изобретение. Работает же.

Все повернулись к бабушке.

— Бабушка, — сказал Вастик. — Ты сказала: «Работает».

— Ну и что?

— Шестерёнкин изобрёл двести четырнадцать вещей. Ни одна не работает. Кроме одной. Никто не знает, какой.

Стало очень тихо. Даже часы, кажется, сказали своё «тик» немножко тише.

— Это она? — прошептал Тюпа. — Эта гайка? Это и есть его одна работающая?

Вастик долго смотрел на маленькую латунную гайку. Потом покачал головой.

— Не знаю, — честно сказал он. — Может быть. А может быть, нет. Гайка — это маленькое. А дедушка сказал, что он год делал что-то большое для города. Секретное. Гайку за год не делают.

Дедушка кивнул. Медленно. Он смотрел не на гайку. Он смотрел на весь механизм. Как будто что-то в нём искал. Что-то, что видел только он.

Решение приняли единогласно. Даже Шуршик проголосовал. Он поднял руку во сне, но Кнопка засчитала.

Гайку не трогать. Часы не исправлять. Пусть спешат. Две минуты — для тех, кто опаздывает.

Сергей Сергеевич улыбнулся. Он впервые улыбнулся за всё утро. И сказал, что сорок один год ждал, чтобы кто-нибудь ещё сказал это вслух.

Вастик поставил четвёртую галочку. Цель достигнута: он знал, почему часы спешат. Но в деле номер пять появилось столько новых вопросов, что Вастику пришлось открыть новую страницу. И ещё одну.

11

Спускаться было легче. Как воде из башни. Сверху вниз.

Внизу Тюпа первым делом нашёл ларёк с бубликами. Он сказал, что сто двенадцать ступенек вверх и сто двенадцать вниз — это двести двадцать четыре ступеньки. А за каждые сто ступенек полагается бублик. Это закон. Он его только что открыл. Кнопка сказала, что такого закона нет. Бабушка купила всем по два бублика. И сказала, что закон есть. Практический.

Дома мама спросила, как всё прошло. Вастик рассказал. Про шестерёнки размером с колесо. Про маятник со сковородку. Про гайку. Про солнцеход. Про то, что с осени восемьдесят шестого никто не опоздал.

Мама слушала. Потом сказала тихо:

— Знаешь, я ведь тоже однажды бежала на последний солнцеход. Мне было восемнадцать. Я смотрела на башню. Там было без двух десять. Я успела. А если бы не успела — я бы не попала на вечер в институте. А на том вечере я познакомилась с папой.

Вастик посмотрел на маму. Потом на папу. Папа тоже смотрел на маму. С таким лицом, какого Вастик у него никогда не видел. Как будто папа прочитал самую лучшую книгу в жизни. И она оказалась про него.

— Получается, — медленно сказал Вастик, — если бы не две минуты Шестерёнкина, меня бы не было?

Мама засмеялась. И обняла его. И сказала, что так далеко она не считала. Но, в общем, — да. Получается.

Вастик долго об этом думал. Потом записал в Книгу Почему: «ДВЕ МИНУТЫ — ЭТО МНОГО. ИНОГДА — ЦЕЛЫЙ ВАСТИК».

12

В семь часов вечера в стене сказало «чпок». Вастик посмотрел на часы. Ровно семь. Потом посмотрел в окно, на башню. На башне было две минуты восьмого. Как всегда.

На открытке были нарисованы часы. Они шли назад. Стрелки крутились против часовой стрелки, а под часами стоял человек и улыбался, потому что к нему возвращался хороший день.

«Сыщикам бюро «Почему». Изобретение № 215. Часы, которые идут назад. Для тех, кто хочет вернуть хороший день. Не работают. Время идёт только вперёд. Даже у меня. Вы нашли мою гайку. И не тронули. Спасибо. Это было важно. Е. Шестерёнкин».

А ниже, другим почерком, неровным, как будто человек долго решался:

«Передайте Петру Ивановичу: я помню, как он смеялся над моими салфетками. Я не обижался. Я и сейчас не обижаюсь».

Пётр Иванович — это дедушка. Вастик знал, что дедушку зовут Пётр Иванович. Но почти никогда не слышал, чтобы его так называли.

Вастик отнёс открытку в мастерскую. Дедушка прочитал. Сел на табуретку. Долго сидел. Вольт молчал. Пилить никто не собирался.

Потом дедушка встал. Взял лист бумаги. И впервые за сорок лет написал письмо Ефиму. Вастик не читал, что там. Дедушка не показывал. Он сложил листок вчетверо.

— А как отправить? — спросил Вастик. — Мы же не знаем его номер в пневмопочте.

— А папа знает, — сказал дедушка. — Папа знает номер каждой трубы в городе. Это единственное, что он помнит лучше, чем Древний Рим.

Папа знал. Он даже не заглянул в справочник. Он сказал:

— Дом с флюгером-чайником. Труба номер один.

— Один? — переспросил Вастик. — Почему один?

Папа задумался. Впервые за весь вечер — без лекции.

— Не знаю, — сказал он медленно. — Когда я пришёл работать, она уже была. Первая. Самая старая труба в городе. Её проложили раньше всех. Я всегда думал — просто так получилось.

Вастик открыл Книгу Почему. На странице дела номер пять. И дописал седьмую задачу. Большими буквами:

«7. ПОЧЕМУ У ШЕСТЕРЁНКИНА ТРУБА НОМЕР ОДИН?»

13

Перед сном Вастик записал итог:

«ЧТО ЖИВЁТ ВНУТРИ ЧАСОВ? СИЛА (ПРУЖИНА ИЛИ ГИРИ), ШЕСТЕРЁНКИ (У КАЖДОЙ СВОЯ ЗАДАЧА), СТОРОЖ-АНКЕР (ПРОПУСКАЕТ ПО ОДНОМУ ЗУБЧИКУ) И МАЯТНИК (КАЧАЕТСЯ И СЧИТАЕТ). ДЛИННЫЙ — МЕДЛЕННО, КОРОТКИЙ — БЫСТРО. ВРЕМЯ — ЭТО КОГДА ЧТО-ТО КАЧАЕТСЯ, А МЫ СЧИТАЕМ. ДЕЛО № 9 ЗАКРЫТО: ЧАСЫ СПЕШАТ, ПОТОМУ ЧТО Е. Ш. УКОРОТИЛ МАЯТНИК НА ПАЛЕЦ. ДЛЯ ТЕХ, КТО ОПАЗДЫВАЕТ. НЕ ТРОГАТЬ. ПАЛЬЦЫ В ШЕСТЕРЁНКИ НЕ СОВАТЬ. НА БАШНЕ ДЕРЖАТЬСЯ ЗА ПЕРИЛА».

И ниже:

«БАБУШКУ ЗОВУТ АННА ПАВЛОВНА. ЕЁ ЗНАЕТ СМОТРИТЕЛЬ БАШНИ. И ГАЗОВЩИК ВЫПРЯМЛЯЕТСЯ. ЭТО НЕ ДЕЛО. ЭТО ПРОСТО ТАК. ВОПРОСОВ НЕ ЗАДАВАТЬ (ПРИКАЗ КНОПКИ)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.